Р. 1509596

Б. Кайданова.

Декабристы.

Книгоиздательство
„Къ свѣту"
въ Ростовѣ на Дону.

№ 350.
Цѣна 10 к.

Изданія Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

В. Алексѣевъ—Народовластіе . . 15
Бѣлоконскій—Самоупр. и земство 5
Булгакова—Японія и японцы . . 20
А. Ѳ. Быкова—Англія и англич. . 15
Б. Б.—Великая франц. революц. 15
Водовозовъ—Всеоб. изб. пр. на Зап 5
Гауптманъ—Ткачи 12
Горбуновъ—Гарантіи личной своб. 10
Н. Дубровскій—Іюль 1830 г. во Фр. 7
Живаго—Освобожденіе Швейцаріи 6
Звягинцевъ—Общ. движ. въ Росс. 15
К. Каутскій—Ирландія 7
К. Каутскій—Прот. клас. инт. . . 15
Каутскій—Развитіе формъ госуд. . 7
Кизеветтеръ—Изъ ист. зак. въ Рос. 15
Кизеветтеръ—Рус. об. въ XVIII ст. 15
Кизеветтеръ XIX вѣкъ въ ист. Рос. 10
Кизевет.—Протопопъ Аввакумъ . 8
Кизевет.—Кузнецъ-Гражданинъ . 10
Н. Карышевъ—Эконом. бесѣды . 15
Мякотинъ На зарѣ рус. общест. . 15
Петрушевскій—Велик. хар. вольн. 15
Пругав.—Прошл. и наст. Шлис. кр. 5
Прокоповичъ—Длина рабоч. дня . 5
Строевъ—Моск. гос. передъ реф. 10
Семев.—Изъ ист. общ. теч. въ 40 г. 15
Б. С. Трудъ и Капиталъ 6
Лассаль—Сущн. конституціи . . . 8
Царестъ—Бельгійск. конституція 7
Созывъ народн. представителей 10
Лассаль—Программа работниковъ 8
Э. Шатріанъ—Ист. одного крест. 20
Рожковъ—Ист. крѣп. права въ Рос. 10
Прокоповичъ—Аграрное движеніе 5
Милюковъ—Верховн. и Шляхет. 15
Карѣевъ—Франц. писат. XVIII в. 10
Государство будущаго . . . . . .
К. Каутскій—Соціальная реформа 25
Жилищный вопросъ 10
Зомбартъ—Соціал. въ XIX вѣкѣ 15
Зомбартъ—Раб. движ. въ XIX в. 20
Гра—Марсельцы 25
Гэдъ Коллективизмъ 4
Сторожевъ—Біографія Грановск. 10
Марксъ—Гражданская война . . 10
Либкнехтъ—Отъ обороны къ напад. 10
Шиппель—Профес. рабоч. союзы 10
Голубевъ—Роль земства 12
Зем. и город. Россія о нар. пред. . 10
Милоковъ—Исконныя начала . . 5
Дживелеговъ—Отвѣтст. министр. . 3
Амичисъ—Студ. и соц. вопросъ . 5
Общественное движ. въ Японіи . . 6
Голубевъ—Крест. въ Госуд. Думѣ 3
Якушкинъ—Государствен. Дума 3
Когда въ Росс. оконч. тѣл. наказ. 3
Семевск.—Крѣп. право въ пр. Щедр. 20
Русская исторія ч. I. 10
Русская исторія ч. II. 12

Царь-голодъ 10
48-й годъ въ Германіи 10
Эконом. полож. еврейск. пролет. 4
Мирбо—Дурные пастыри 10
Сватиковъ—Общ. движ. въ Рос. 60
Вересаевъ—Честнымъ путемъ . . 7
Либкнехтъ—Рѣчь о налогахъ . . 4
Книга русскаго рабочаго 12
Тунъ—Ист. револ. движ. въ Рос. 50
Госуд. устр. въ запад-европ. стран. 6
Митинги въ Англіи 10
Страхованіе рабочихъ 15
Парижская коммуна 1870—1871 гг. 10
Кеннанъ—Сибирь и каторга . . . 25
Борьба за народ. пред. въ Англіи 15
Революція въ Вѣнѣ 3
Каутскій—Аграр. воп. въ Россіи . 3
Рубакинъ Русская исторія ч. I . . 15
» ч. II . 15
«Впередъ» Сборникъ стихотвор. . 20
Туровъ—Восьмич. раб. день . . . 3
Кабановъ—Катехиз. англ. гражд. 6
Бернштейнъ—Форм. хозяйст. жиз.
Приказчичій вопросъ въ Россіи . 4
Васильевъ—Что такое отечество 8
Мазовецкій—Процессъ пролетар. 6
Мартовъ—Пролетарскій праздн. . 4
Жоресъ и Гэдъ—Тактика с.-демок. 5
Толстой—Исповѣдь 15
Сатуринъ—Ирландія 15
Кавелинъ—Изъ истор. позем. собств. 4
Ярошъ—Послѣдній король . . 20
Пругавинъ—Тайны Шлиссельбур.
Іеллинекъ—Бюджетное право . .
Государственныя преступл. т. I. 1 50
» т. II 75
Кабановъ—О налогахъ 2
Князьковъ—Освобожд. крестьян.
Каутскій—Всеобщая стачка . . . 4
Избир. комп. въ свободн. государс. 4
Эритье—Револ. студенч. во Фр. . 4
Быкова—Гос. устр. С.-А. Штат. 20
Бѣлоконскій—Отъ дер. до парл. . 6
Дитятинъ—Когда воз. розн. въ Рос. 2
Роль—Какъ происх. револ. на Зап. 5
Петровъ—Прогрес. экон. партія .
Организованный трудъ . . . . .
Долой забастовщиковъ . . . . .
Существуетъ ли барщина . . . .
Данъ—Рабоч. движ. и с.-д. въ Россіи 15
Смерть Импер. Павла I . . . . .
Процессъ 16-ти . . . . . .
Морозовъ—Стихотворенія . . . .
Кенанъ—Посл. заяв. рус. либерал.
Жоресъ—Всеобщая стачка . . .
Сатуринъ—Индія и ея горе . . . 15
Кропоткинъ—Къ молодежи . . . 4
К. Шмидтъ—Безраб. и борьб. съ ней 10
Бернтамъ—Якутскій процессъ . 15

7/5

9(с)153(092)

Р-1509596

Ѳ. Кайданова.

Декабристы.

ПРОВЕРЕНО
1946 г.

Ростовская на Дону
Государственная
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. К. МАРКСА

Книгоиздательство
„Къ свѣту"
въ Ростовѣ на Дону.

ТАССР Казан ш. Ленин исм. Үзәк Респ.
Көтепханәсе китап бирү бүлеге
Отдел выдачи книг Центральной
Респ. Библиотеки им. Ленина ТАССР г. Казани

1951

Типографія «Донская Рѣчь» Ростовъ на Дону. 1906.

Декабристы.

«Жизнь прожить не поле перейти», говоритъ пословица.

Если одному человѣку, одной семьѣ, трудно бываетъ порой устроить свою жизнь такъ, какъ хотѣлось бы, то еще труднѣе устроить жизнь цѣлаго народа, цѣлаго государства такъ, чтобы всѣмъ жилось хорошо, чтобы никто не былъ обиженъ, чтобы порядки въ государствѣ были справедливые.

Въ жизни каждаго народа всегда происходило одно и то же: власть и богатство захватывала въ свои руки немногочисленная кучка людей, жадныхъ, хитрыхъ и умѣвшихъ устраивать свои дѣла; они приближали къ себѣ близкихъ имъ людей и съ ними дѣлили власть, богатство и почетъ; а весь народъ, милліоны людей подпадали подъ ихъ власть, подчинялись имъ, живя въ большой нуждѣ и униженіи цѣлыми вѣками и не сознавая того, что такое положеніе несправедливо и что они за свои труды имѣютъ право на лучшую жизнь. Вѣка, тысячелѣтія проходили при такомъ порядкѣ вещей: народъ трудился, трудился, не зная отдыха, терпѣлъ великую нужду и безропотно подчинялся велѣніямъ власть имущихъ, подчинялся законамъ, которые они придумывали въ свою пользу, безропотно платилъ по-

дати и налоги въ казну, не зная на что расходуются его трудовыя деньги; а небольшая (по сравненію съ общимъ числомъ всѣхъ жителей) кучка людей пользовалась всѣми благами жизни, живя на счетъ народа.

Но наступала пора—пробуждался народъ, начиналъ сознавать, что и онъ имѣетъ право на лучшую жизнь, что всѣ люди равны передъ Богомъ и что поэтому и на землѣ законъ долженъ быть равенъ для всѣхъ; и сознавъ это, народъ возставалъ противъ своихъ притѣснителей и бралъ власть въ свои руки.

Возстаніе народа противъ правительства, его борьба за свободу и за свои права называется революціей.

Революція всегда бываетъ ужасна. Правительство никогда не соглашается уступить добровольно свою власть народу, оно высылаетъ на него войска, казнитъ тѣхъ людей, которые ведутъ народъ на возстаніе, и только цѣною человѣческой крови, цѣною многихъ человѣческихъ жизней покупаетъ себѣ народъ свободу и права на лучшую, человѣческую жизнь.

На сторону правительства переходятъ обыкновенно всѣ, кому и при прежнихъ порядкахъ жилось хорошо на счетъ народа: помѣщики, фабриканты, чиновники и вообще богачи; они всѣми силами поддерживаютъ правительство.

Однако, и изъ среды самыхъ богатыхъ и знатныхъ людей всегда отдѣляются люди съ чистой душой, люди, живущіе не для себя, а для другихъ. Оставивъ свою прежнюю жизнь, родныхъ, знакомыхъ, разставшись со всѣми выгодами своего положенія, они переходятъ на сторону народа и борются вмѣстѣ съ нимъ. Въ передовыхъ, образованныхъ государствахъ—Америкѣ, Франціи, Швейцаріи, Англіи и многихъ другихъ народъ уже завоевалъ себѣ права и свободу и самъ чрезъ своихъ выборныхъ людей управляетъ государствомъ; и вездѣ, гдѣ установились новые порядки, гдѣ установилось представительное правленіе—жизнь народная измѣнилась къ лучшему: легче стало жить бѣдняку, меньше стало нищеты, меньше всякаго горя, мень-

ше болѣзней и преступленій; увеличилось число школъ и уменьшилось число тюремъ. Далеко еще до полнаго, до настоящаго счастья и въ тѣхъ государствахъ, но все же народу тамъ живется много лучше, чѣмъ у насъ въ Россіи.

Русскій народъ жилъ всегда нищенской, рабской жизнью, не вѣдая счастья, не имѣя никакихъ правъ; про его горькую жизнь не даромъ поется въ разныхъ пѣсняхъ, какъ про жизнь могучаго богатыря, томящагося въ неволѣ, скованнаго цѣпями. Много въ народѣ русскомъ людей умныхъ, даровитыхъ, талантливыхъ, но всѣ ихъ дарованія пропадаютъ даромъ, гибнутъ безъ пользы, потому что всѣ эти люди живутъ въ нуждѣ, остаются безъ образованія.

Когда наши русскіе плотники работали на выставкѣ въ Америкѣ, то американцы говорили, глядя на ихъ работу: «что за понятливый, что за умный народъ! Еслибъ такому народу да дать хорошее образованіе, онъ бы далеко ушелъ и опередилъ бы, пожалуй, всѣ другіе народы!» Но наше правительство преднамѣренно держитъ народъ въ самомъ тяжеломъ положеніи: въ нищетѣ, безправіи и невѣжествѣ, расчитывая на то, что въ такомъ положеніи у него не пробудится сознанія своихъ правъ и онъ будетъ попрежнему безропотно сносить свое иго. Однако, расчеты правительства оправдывались лишь до поры до времени. Лишь до поры до времени сносилъ русскій народъ безропотно свою горькую долю; наступила и для него пора пробужденія. Россія, какъ и другія государства, дожила до революціи. Русская революція совершается теперь на нашихъ глазахъ; всѣ мы такъ или иначе къ ней причастны; она стоитъ народу огромныхъ жертвъ, такихъ, какихъ не знала революція ни въ одной странѣ, и это происходитъ по многимъ причинамъ: и главнымъ образомъ отъ того, что Россіи предстоитъ сбросить съ себя и тѣ общественныя цѣпи, которыми еще закованы другіе народы; она хочетъ раскрѣпостить землю, зная, по опыту западныхъ народовъ, что, если земля не принадлежитъ всему народу, то у народа нѣтъ истинной свободы. Но какъ бы то ни было, а ве о-

люція въ Россіи началась; она идетъ впередъ, и народъ русскій въ концѣ концовъ все же одержитъ побѣду, потому что теперь борющихся за свободу очень много, потому что теперь вездѣ, даже въ самыхъ глухихъ деревняхъ, уже можно встрѣтить людей, которые не хотятъ признавать настоящаго правительства и добиваются новаго государственнаго управленія, новыхъ порядковъ, новой справедливой жизни. Не то было 80 лѣтъ тому назадъ, когда начиналась русская революція. Тогда крестьяне еще были крѣпостными, тогда рабочихъ было очень мало, людей образованныхъ, интеллигентныхъ тоже очень мало, а недовольство, недовольство глухое, смутное, безсознательное прорывалось лишь изрѣдка въ народѣ.

Въ деревняхъ крестьяне возставали противъ помѣщиковъ, въ войскахъ солдаты роптали на свою каторжную жизнь, лучшіе же люди изъ числа образованныхъ понимали, что все зло происходитъ отъ самодержавія и, видя недовольство въ народѣ, рѣшили сдѣлать попытку свергнуть иго самодержавія, избавить отъ него русскій народъ. Попытка ихъ была смѣлымъ рѣшительнымъ шагомъ, и надо было много геройства и глубокой вѣры въ правоту своего дѣла, чтобы рѣшиться на этотъ шагъ; они на него отважились; они склонили часть войскъ поднять открытое возстаніе и требовали для Россіи перемѣны правительства и новыхъ порядковъ.

Это возстаніе произошло въ декабрѣ мѣсяцѣ 1825 г., почему люди, которые задумали это дѣло и произвели тогда возстаніе, извѣстны подъ именемъ декабристовъ.

Вотъ что произошло въ Петербургѣ 14-го декабря 1825 года. 14-е декабря былъ днемъ вступленія на престолъ новаго императора. День былъ холодный; сильный морозъ съ пронзительнымъ вѣтромъ леденилъ кровь въ жилахъ. Въ Петербургѣ въ этотъ день было большое смятеніе. По улицамъ въ разныя стороны поспѣшно двигался народъ; одни спѣшили на Сенатскую площадь, чтобы видѣть что тамъ дѣлается, другіе, напротивъ, убѣгали оттуда и

прятались по домамъ, затворяя поспѣшно окна и двери заслышавъ ружейные выстрѣлы и пушечную пальбу. А на Сенатской площади происходило въ это время нѣчто небывалое: нѣсколько ротъ солдатъ гвардейцевъ, подъ предводительствомъ офицеровъ, вышли изъ своихъ казармъ съ распущенными знаменами и, провозглашая императоромъ Константина Павловича (старшаго брата Николая I), отправились на Сенатскую площадь. Толпы народа шли за ними. На площади они построились передъ сенатомъ, подъ начальствомъ оберъ-офицеровъ, и объявили, что они отказываются присягать императору Николаю I, провозглашаютъ императоромъ его старшаго брата, Константина, и требуютъ введенія въ Россіи конституціи (т. е. такого порядка государственнаго управленія, при которомъ народъ принимаетъ участіе черезъ своихъ выборныхъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ). Высказавъ свои требованія, они безстрашно и неподвижно остались на своихъ мѣстахъ; на нихъ глядѣли огромныя зданія царскаго дворца и сената; прямо передъ ними стояла другая часть гвардіи, присягнувшая императору Николаю; ихъ окружали толпы народа; часть этого народа сочувствовала имъ и кричала «ура!», часть же недоумѣвала въ чемъ дѣло и только приглядывалась и прислушивалась къ тому, что происходило. Много нужно было мужества, много геройства и вѣры въ справедливость и законность своихъ требованій, чтобы заявить о нихъ такъ смѣло и такъ рѣшительно.

По приказу императора къ возставшимъ послано было сначала два митрополита; они подошли къ войску и ста-

*) Конституція—основной законъ государства, которое управляется при помощи выбранныхъ народомъ представителей. Этимъ закономъ опредѣляются права народа и право государя. Конституціонное государство можетъ быть монархическимъ и республиканскимъ. Въ конституціонной монархіи государь имѣетъ нѣкоторыя верховныя права и каждый законъ долженъ быть подписанъ имъ. Въ республикѣ государя нѣтъ, и всѣ права полностью принадлежатъ только народу, а народъ черезъ своихъ уполномоченныхъ (депутатовъ) управляетъ своими дѣлами такъ, какъ считаетъ лучше и удобнѣе для себя.

ли усовѣщевать его смириться, но возставшіе на увѣщанія митрополитовъ отвѣчали упорнымъ молчаніемъ. Тогда къ нимъ посланъ былъ графъ Милорадовичъ; отвѣтомъ на его рѣчь, обращенную къ войску, былъ выстрѣлъ изъ пистолета, смертельно его ранившій. Видя, что они упорно стоятъ на своемъ, императоръ приказалъ гвардейскому полку итти въ аттаку на возставшее войско, но аттака ихъ была отбита. Тогда по приказанію императора полки, стоявшіе у дворца, развернулись на двѣ стороны и между ними выступила баттарея артиллеріи съ разверстыми жерлами пушекъ. Къ возставшимъ подскочилъ на конѣ адмиралъ Сухозанетъ; движеніемъ руки онъ указывалъ имъ на выставленную противъ нихъ артиллерію; отвѣтомъ ему былъ дружный крикъ: «подлецъ!». Тогда раздалась команда и грохнули пушки. «Первая пушка грохнула (пишетъ Бестужевъ, одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, которые командовали возставшимъ войскомъ), первая картечь разсыпалась; однѣ пули ударились въ мостовую и подняли снѣгъ и пыль столбами, другія вырвали нѣсколько рядовъ изъ фронта, третьи съ визгомъ пронеслись надъ головами и нашли нѣсколько жертвъ въ народѣ, лѣпившемся между колоннами Сенатскаго дома и на крышахъ сосѣднихъ домовъ; съ первыми выстрѣлами семь человѣкъ упали; я не слышалъ ни одного вздоха, не примѣтилъ ни одного судорожнаго движенія—столь жестоко разила картечь на этомъ р зстояніи. Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми; другой и третій выстрѣлы повалили кучу солдатъ и народа, который толпами собрался около нашего мѣста; разбитыя оконницы зазвенѣли, падая на землю, но люди, слетѣвшіе вслѣдъ за ними, растянулись безмолвно и неподвижно, словно одервенѣли. Я стоялъ на своемъ мѣстѣ, смотря въ глаза смерти, и ждалъ рокового удара; въ эту минуту существованіе было такъ горько, что гибель казалась мнѣ благополучіемъ; однако, судьбѣ угодно было иначе..... Съ пятымъ или шестымъ выстрѣломъ колонна дрогнула..... Почуявъ это, я оглянулся; между мною и бѣгущи-

ми была уже цѣлая площадь и сотня скошенныхъ картечью жертвъ свободы. Я долженъ былъ слѣдовать общему движенію и съ какимъ-то мертвымъ чувствомъ въ душѣ пробирался между убитыми; тутъ не было ни движенія, ни крика, ни стенанія, только въ промежуткахъ между выстрѣлами можно было слышать, какъ кипятится кровь струями по мостовой, растопляя снѣгъ, и потомъ сама, алѣя, замерзала»...

Это была первая битва въ войнѣ за свободу, объявленной правительству. Побѣду въ этой битвѣ одержало правительство, у котораго были пушки. Въ то же время на югѣ Россіи подъ тѣмъ же знаменемъ возстанія соединялись отдѣльныя части войскъ, спѣша другъ другу на встрѣчу; ихъ вели офицеры, единомышленники тѣхъ, которые предводительствовали возстаніемъ въ Петербургѣ; главнымъ предводителемъ повстанцевъ здѣсь былъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ; онъ шелъ впереди, ведя за собой 6 ротъ Черниговскаго полка, отправляясь въ рѣшительный смертный бой съ правительствомъ за освобожденіе родины. Онъ призвалъ священника и просилъ его отслужить въ присутствіи всѣхъ солдатъ и офицеровъ молебенъ; по окончаніи молебна прочитанъ былъ вслухъ катехизисъ, составленный имъ и декабристомъ Бестужевымъ-Рюминымъ; въ этомъ катехизисѣ говорилось, что Богу угодно такое государственное управленіе, при которомъ всѣ жители страны равны между собой, при которомъ нѣтъ слугъ и господъ, нѣтъ баръ и мужиковъ, а всѣ живутъ по-братски; нѣтъ царя, а государствомъ правитъ самъ народъ черезъ своихъ выборныхъ, что такое государственное устройство называется республикой. Съ крикомъ: «за свободу!» выступили они въ походъ, расчитывая, что въ Кіевѣ къ нимъ присоединятся еще войска и что они пойдутъ вмѣстѣ въ Москву; но ихъ въ скоромъ времени постигла неудача: среди темной ночи, около деревни Паволоча ихъ настигъ и окружилъ съ 3-хъ сторонъ непріятель, т. е. царское войско; оказалось, что на нихъ еще до ихъ выступленія былъ сдѣланъ

доносъ и на встрѣчу имъ высланъ былъ эскадронъ драгунъ; драгуны везли съ собой пушки. Такъ же, какъ и въ Петербургѣ, смѣлые освободители пали подъ градомъ картечи. Предводитель ихъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, тяжело раненый въ голову, былъ схваченъ и арестованъ вмѣстѣ со своимъ братомъ, а впослѣдствіи казненъ. Вотъ какъ описываетъ онъ въ дневникѣ, оставшемся послѣ него, эту роковую ночь. «Идя на встрѣчу возмущеннымъ войскамъ, я, между деревнями Устимовской и Королевской, встрѣтилъ высланный противъ меня гусарскій отрядъ генерала Гейсмара. Я привелъ свои роты въ порядокъ и велѣлъ солдатамъ идти не стрѣляя прямо на пушки; солдаты пошли за мной. Когда я упалъ безъ чувствъ, раненый картечью, то очнувшись увидѣлъ своихъ въ разстройствѣ; хотѣлъ собрать ихъ, но упалъ снова, былъ схваченъ и переданъ начальнику эскадрона Маріупольскаго полка. Это произошло ночью 3-го января 1826 года.

Такимъ образомъ, возстаніе, вспыхнувшее одновременно въ Петербургѣ и подъ Кіевомъ, было подавлено силою пушекъ, возставшіе были сражены; имъ не удалось привести въ исполненіе своего замысла, потому что они были одиноки, потому что остальная Россія не поддержала ихъ, не поддержала, потому что не понимала ихъ намѣреній. Для многихъ, жившихъ въ то время въ Россіи, даже изъ числа образованныхъ людей, было совершенно неожиданно и непонятно все то, что произошло 14 декабря. Какъ возникъ этотъ заговоръ? Что за люди были декабристы? Какъ они дѣйствовали? Какъ удалось имъ склонить на свою сторону солдатъ? Все это такъ и осталось неизвѣстнымъ для многихъ. Декабристовъ всѣхъ перехватали, главныхъ вожаковъ возстанія казнили, остальныхъ сослали въ Сибирь: однихъ на каторгу, другихъ на поселеніе; писать всю правду о декабрьскихъ событіяхъ въ газетахъ и книгахъ было запрещено до самаго послѣдняго времени. Вслѣдствіе этого, жизнь и дѣла декабристовъ, самыя событія 14 декабря и 3 января оставались до сихъ поръ таинственно неизвѣст-

ными. Но время сдѣлало свое. Желанія, планы, дѣла декабристовъ все болѣе становились всеобщими желаніями, планами, дѣлами всѣхъ насъ. Сѣмена, посѣянныя ими, взошли; начатое ими дѣло борьбы за свободу возродилось, и теперь говорить о нихъ можно и должно. Совѣстно не знать именъ и дѣлъ этихъ смѣлыхъ борцовъ за свободу Россіи!

Въ 1801 году вступилъ на престолъ императоръ Александръ I. Молодой, образованный государь былъ полонъ самыхъ великодушныхъ желаній: онъ хотѣлъ осчастливить своихъ подданныхъ, хотѣлъ ввести въ Россіи крупныя реформы (перемѣны). У него были друзья, съ которыми онъ былъ близокъ, съ которыми онъ держался потоварищески; они приходили къ нему каждый день запросто, чтобы обсудить съ нимъ важнѣйшія государственныя дѣла; эти друзья молодого царя были люди, горячо желавшіе добра Россіи, и съ ними государь обсуждалъ тѣ реформы (перемѣны) и улучшенія, которыя онъ хотѣлъ ввести въ Россіи. Настроеніе государя, его желанія были хорошо извѣстны въ обществѣ, и лучшіе честнѣйшіе люди того времени за-одно съ нимъ мечтали о преобразованіи русскаго государства. Еще раньше, въ царствованіе Екатерины II, были люди, которые возвышали свой голосъ за народъ, напр., Радищевъ, написавшій книгу противъ крѣпостного права, Новиковъ, старавшійся распространить образованіе и просвѣщеніе и тоже возставававшій противъ крѣпостного права и др.; но эти люди дорого поплатились за высказанную ими правду, они были посажены въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ провели долгіе годы въ заключеніи. Теперь же самъ императоръ говорилъ о своемъ намѣреніи освободить крестьянъ и измѣнить все государственное устройство Россіи, ограничить царскую власть. Онъ далъ конституцію Полышѣ, и въ своей рѣчи, произнесснной имъ въ Варшавѣ, сказалъ громко, при всемъ народѣ, что онъ хочетъ дать конституцію и Россіи. Съ надеждой и радостнымъ чувствомъ глядѣли въ то время всѣ хорошіе люди на будушее,

ожидая близкаго поворота къ лучшему въ жизни Россіи. Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться; благія пожеланія императора оказались не прочными и мало-по-малу имъ же были забыты и оставлены. Война 12-го года оказала большое вліяніе на послѣдующія событія. Извѣстно, что въ царствованіе Александра I Россія вела войну съ французами; французское войско, подъ предводительствомъ Наполеона, пришло въ Россію, русскіе побѣдили ихъ и заставили уйти съ большими потерями; война съ французами окончилась полнымъ пораженіемъ Наполеона; потомъ русское войско вмѣстѣ съ нѣмецкимъ отправилось во Францію, чтобы окончательно низложить Наполеона. По этому случаю русскому войску (гвардіи) пришлось нѣкоторое время пробыть въ Парижѣ (столицѣ Франціи) и пройти черезъ другія европейскія государства — Германію, Бельгію. Успѣшная война подняла духъ всѣхъ русскихъ, подняла народную гордость; пребываніе же заграницей оказало большое вліяніе на государя и на офицеровъ и на солдатъ. Каждый вынесъ оттуда свои впечатлѣнія, но одно одинаково бросилось всѣмъ въ глаза—это огромная разница между нашей русской жизнью и жизнью Западной Европы. Разница, въ самомъ дѣлѣ, была огромная. Вѣдь, въ Европѣ въ то время народъ уже не былъ крѣпостной и участвовалъ въ государственномъ управленіи, у насъ же тогда было еще крѣпостное право, помѣщики грубо и жестоко обращались съ крестьянами: людей замучивали барщиной, засѣкали на-смерть, продавали съ публичнаго торга, какъ скотъ, солдатская служба была страшно тяжела, была для солдата каторгой; высшія же сословія: дворянство, военные и помѣщики вели совершенно праздную жизнь, ничего рѣшительно не дѣлая, живя на всемъ готовомъ, получая большое жалованье и доходы съ имѣній. Бѣдность русскаго народа, его нужда, невѣжество, грубость нравовъ —все это было раньше какъ-то незамѣтно, потому что это было такъ всегда, къ этому всѣ приглядѣлись и многимъ и въ голову не приходило, что жизнь могла-бы итти

иначе; побывавшіе же заграницей увидѣли своими глазами, что можно жить иначе, что вотъ живетъ же народъ гораздо лучше нашего, живутъ же люди по-человѣчески, а не такой скотской жизнью, какой живутъ у насъ крестьяне; бываютъ же порядки лучше нашихъ. Все это видѣли и замѣчали и государь, и офицеры, и солдаты, но поняли это новое и перечувствовали каждый по своему. Александръ I, сравнивая французовъ и нѣмцевъ съ русскими, почувствовалъ къ Россіи какую-то холодность, презрѣніе за ея отсталость и грубость; онъ сталъ какъ бы стыдиться того, что онъ русскій императоръ; кромѣ того у него послѣ пребыванія заграницей пропала охота работать, стараться что-нибудь сдѣлать для русскаго народа; онъ увидѣлъ, какъ велика разница между Россіей и европейскими государствами, и отчаялся достигнуть чего-нибудь въ Россіи; прежнее одушевленіе, жаръ смѣнились у него холодностью и онъ махнулъ рукой на Россію, оставилъ свои прежнія намѣренія сдѣлать что-нибудь для нея. Другое впечатлѣніе вынесли изъ своихъ наблюденій офицеры, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, лучшіе изъ нихъ. Сравнивая русскую жизнь съ европейской, они почувствовали стыдъ и жгучую боль за свое родное и у нихъ загорѣлось желаніе послужить родинѣ, отдать за нее, если бы понадобилось, свою жизнь, только бы поднять ее до того уровня образованности, на которомъ стояли другія государства, только бы сдѣлать ее счастливой. Что же касается солдатъ, то они, конечно, видѣли и замѣчали, какъ живетъ народъ во Франціи, въ Германіи, какая разница между жизнью русской и европейской, видѣнныя ими новыя картины жизни залегли у нихъ въ душѣ, но разобраться въ своихъ впеча лѣніяхъ, понять, разсудить, отчего происходитъ эта разница, отчего заграницей простому народу живется лучше, чѣмъ у насъ—они не смогли. Однимъ словомъ, больше всего вынесли изъ похода во Францію офицеры, особенно молодежь; для большинства изъ нихъ походъ во Францію былъ какимъ то необыкновеннымъ событіемъ, совершенно пере-

вернувшимъ ихъ мысли. Вернувшись оттуда, они совсѣмъ иначе взглянули на свое родное: убожество, нищета, грубость русской жизни, казнокрадство, лихоимство, совершавшееся у всѣхъ на глазахъ, ужасы крѣпостного права —всѣ эти недостатки русской жизни, которыхъ они раньше какъ то не замѣчали, теперь стали ихъ возмущать, вызывать въ нихъ желаніе уничтожить все это зло. Вотъ что писалъ, напр., одинъ изъ декабристовъ, Якушкинъ: вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ заграницы.

«Изъ Франціи въ 1814 году мы возвратились моремъ въ Россію. Первая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала государственный молебенъ. Во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи на родину». «Въ 14-мъ году существованіе военной молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіи 2-хъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшавшія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ, теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на сто лѣтъ впередъ».

И военная молодежь, т. е., лучшіе люди изъ ея среды, стала измѣнять свою жизнь: прежняя пустая жизнь,— попойки, картежная игра смѣнились другимъ препровожденіемъ времени; вмѣсто карточной игры, кутежей—стало входить въ обычай чтеніе газетъ, бесѣды объ общественной жизни. «Въ Семеновскомъ полку, пишетъ въ своихъ запискахъ декабристъ Якушкинъ, устроена была артель; человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали тутъ не одни вкладчики въ артель, но и всѣ, кому по обязанности службы приходилось проводить весь день въ полку. Послѣ обѣда играли въ шахматы, другіе громко читали иностранныя газеты и узнавали, что дѣлается въ другихъ государствахъ; такое пре-

провожденіе времени было рѣшительнымъ нововведеніемъ. Въ 1811 году, когда я вступилъ въ Семеновскій полкъ, офицеры, сходившись между собой, или играли въ карты, безъ зазрѣнія совѣсти надувая другъ-друга, или кутили напропалую». Вскорѣ изъ числа членовъ артели выдѣлился сплоченный тѣсный кружокъ наиболѣе дѣятельныхъ и умныхъ людей, которые не могли удовольствоваться одними разговорами, но захотѣли перейти къ дѣлу. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ тотъ же Якушкинъ: «Сергѣй Трубецкой, братья Муравьевы и я жили въ одной казармѣ и часто бывали вмѣстѣ. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновеннымъ разговоромъ былъ разговоръ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались разныя язвы нашего отечества: закоснѣлость нашего народа, крѣпостное право, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіи 25 лѣтъ была почти каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще». «Постоянныя наши бесѣды, писалъ другой изъ декабристовъ, о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія его сблизили меня съ этимъ кружкомъ; я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ». Отъ словъ захотѣлось перейти къ дѣлу. Что же мы, молодые, сильные, любящіе родину, сидимъ сложа руки и только негодуемъ на зло, которое совершается передъ нашими глазами?—стали говорить собесѣдники,—надо придумать сообща какіе-нибудь способы уничтожить все это зло, надо составить планъ для борьбы съ нимъ! Такъ понемногу явилось, созрѣло и окрѣпло у нихъ рѣшеніе работать и дѣйствовать сообща для блага родины, такъ зародилась мысль основать тайное общество. «Мы рѣшили, пишетъ Якушкинъ, составить общество, цѣлью котораго было бы въ обширномъ смыслѣ благо Россіи. Такимъ образомъ, было положено основаніе тайному обществу, которое существовало, можетъ быть, и не совсѣмъ безплодно для Россіи. Общество это было названо «союзомъ благоденствія». Союзъ благоденствія былъ

основанъ сначала тѣснымъ кружкомъ близкихъ людей; къ нему, однако, стали охотно примыкать все новые и новые члены; поступала въ члены союза не только молодежь, но и многіе пожилые люди; всякій, въ комъ не заснула совѣсть, кого тяготила безсмысленная, безплодная жизнь, шелъ туда. Собранія союза становились все болѣе и болѣе многолюдными. «У многихъ изъ молодежи, писалъ одинъ изъ декабристовъ, было столько избытка жизни при тогдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой высокую и прямую цѣль почиталось блаженствомъ». Союзъ благоденствія основанъ былъ въ 1816 году; цѣлью его было благо отечества, цѣль эта выражалась еще такъ: подвизаться всѣми силами на общую пользу, поддерживать всѣ благія мѣры правительства и полезныя, частныя предпріятія, препятствовать всякому злу и для этого обличать злоупотребленія чиновниковъ и безчестные поступки частныхъ лицъ.

Сами члены общества обязывались вести себя и поступать во всѣхъ отношеніяхъ такъ, чтобы не заслужить ни малѣйшей укоризны. Уставъ союза благоденствія былъ написанъ въ 1816 году; онъ назывался зеленой книгой и былъ извѣстенъ самому Александру I, который давалъ читать его цесаревичу Константину Павловичу. Члены общества дѣлились на 4 разряда: одни ставили себѣ цѣлью человѣколюбіе: они устраизали разныя общества, учрежденія для помощи бѣднымъ, престарѣлымъ, больнымъ; они доводили до свѣдѣнія начальства о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя имъ приходилось замѣчать въ какихъ-нибудь благотворительныхъ обществахъ. Члены 2-го разряда ставили себѣ задачей учить и воспитывать, распространять образованіе и просвѣщеніе; они устраивали школы, библіотеки, раздавали, разсылали хорошія книги, помогали учителямъ. Члены 3-го разряда обращали все свое вниманіе на суды, на судопроизводство; они не должны были уклоняться отъ судебныхъ должностей; напротивъ, брали ихъ съ тѣмъ, чтобы исполнять ихъ возможно лучше, ободряли чиновни-

ковъ безкорыстныхъ, обличали безсовѣстныхъ и доводили до свѣдѣнія правительства о злоупотребленіяхъ на судѣ. Наконецъ, члены 4-го разряда должны были заботиться о развитіи промышленности и торговли, помогать обогащенію страны. Дѣятельность членовъ союза была очень разнообразна. Больше всего они заботились о распространеніи образованія, грамотности въ народѣ; видя, какъ невѣжественъ, какъ теменъ русскій народъ, они старались всѣми средствами и способами просвѣтить его: для этого они повсюду, гдѣ было возможно, устраивали школы: въ деревняхъ для крестьянскихъ дѣтей, въ войскахъ для солдатъ; на это они тратили большія средства. Такъ какъ многіе изъ нихъ хорошо знали иностранные языки и бывали заграницей, то они ознакомились съ англійскимъ способомъ обученія взрослыхъ грамотѣ. Въ Англіи незадолго передъ этимъ жилъ одинъ умный и предпріимчивый человѣкъ, по имени Ланкастеръ; самъ онъ былъ рабочимъ, выросъ въ бѣдности и на себѣ испыталъ, какъ хорошо знать бѣдняку грамоту и какъ это иногда трудно дается. Желая помочь народу учиться грамотѣ, онъ придумалъ особенный способъ обученія грамотѣ, который по его имени стали называть ланкастерскимъ, и школы, устраиваемыя по способу Ланкастера, стали называться ланкастерскими. Ланкастерскій способъ обученія грамотѣ хорошъ тѣмъ, что по этому способъ можно учить заразъ очень многихъ учениковъ, напр., одинъ учитель можемъ учить сразу человѣкъ 100—200; чтобы учить сразу такъ много народу съ успѣхомъ, учитель заставляетъ помогать себѣ своихъ учениковъ; тѣ, которые поняли что-нибудь, напр., выучили нѣсколько буквъ, сейчасъ-же показываютъ ихъ остальнымъ, тѣмъ, которые еще не знаютъ, и такъ, имѣя среди своихъ учениковъ помощниковъ изъ числа наиболѣе понятливыхъ, способныхъ, учитель можетъ сразу научить грамотѣ очень многихъ и сдѣлать это очень скоро.

Члены тайнаго общества съ большимъ рвеніемъ взялись за это дѣло и въ короткое время открыли много ланка

ТАССР Казан ш. Ленин исм. Үзәк Респ.
Көтепханәсе өйгә китап бирү бүлеге.
Отдел выдачи книг на дом центральной
Респ. Библиотеки им. Ленина ТАССР г. Казань

стерскихъ школъ. Кромѣ того они покупали и раздавали народу множество библій, евангелій и другихъ книгъ. Такъ какъ большинство членовъ тайнаго общества были военные и дворяне, то они обратили въ своей дѣятельности большое вниманіе на улучшеніе быта солдатъ и крѣпостныхъ. Тѣ и другіе находились въ ужасномъ положеніи. Солдатская служба продолжалась 25 лѣтъ. Солдата на службѣ не считали за человѣка; военная дисциплина была безпощадна—за малѣйшее неисполненіе служебныхъ правилъ налагались самыя строгія, жестокія наказанія; ученье ни одного дня не обходилось безъ битья; палочные удары сыпались на несчастныхъ солдатъ безъ счету и безъ мѣры; муштровка была самая безпощадная, а о томъ, какъ солдатъ кормятъ, какъ одѣваютъ, никто не заботился; требовалось только одно—чтобы строй былъ хорошъ, да выправка военная. Тѣ изъ офицеровъ, которые вступили въ число членовъ тайнаго общества, прежде всего постарались ослабить въ войскахъ военную дисциплину, улучшить бытъ солдатъ и обращеніе съ ними. Во многихъ полкахъ стараніями членовъ тайнаго общества выведена была изъ употребленія палка, въ солдатѣ стали признавать человѣка; человѣческимъ обращеніемъ съ солдатами они достигали того, что солдаты привязывались къ офицерамъ, чувствовали себя съ ними свободнѣе, а когда человѣкъ меньше боится, меньше дрожитъ, то онъ все свое дѣло исполняетъ лучше; кромѣ того, хорошимъ обращеніемъ съ солдатами декабристы подготовляли и свое большое дѣло, которое у нихъ было намѣчано, какъ послѣднее—произвести въ Россіи государственный переворотъ,—вѣдь для того, чтобы поднять возстаніе, возмутить войска, имъ надо было прежде всего заручиться расположеніемъ къ себѣ солдатъ. И они, въ самомъ дѣлѣ, достигли и того и другого: и улучшили въ своихъ полкахъ бытъ солдатъ, и подготовили дѣло возстанія. Какъ дѣйствовали декабристы въ войскахъ, можно судить, напр., по слѣдующему случаю. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, Фонъ-Визинъ, командовалъ

полкомъ. Ему данъ былъ для исправленія другой полкъ, который на смотру возбудилъ неудовольствіе императора недостаткомъ фрунтовой выправки. Ему поручено было улучшить въ этомъ полку дисциплину. Фонъ-Визинъ началъ съ того, что сблизился съ ротными командирами, поручилъ имъ первоначальную выправку солдатъ и рѣшительно воспретилъ употреблять при ученіи палку. Чтобы поставить какъ слѣдуетъ обученіе и улучшить бытъ солдатъ, онъ, будучи богатымъ человѣкомъ, истратилъ изъ своихъ средствъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ на полкъ болѣе 20000 руб.; зато, когда въ концѣ года царь увидѣлъ этотъ полкъ, онъ былъ отъ него въ восторгѣ. Вотъ еще другой случай, показывающій, какъ декабристы обращались съ солдатами (Случай этотъ разсказанъ Л. Н. Толстымъ).

Одинъ изъ ротныхъ командировъ Семеновскаго полка, встрѣтясь разъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ, разсказалъ ему про одного изъ своихъ солдатъ, вора и пьяницу, говоря, что такого солдата ничѣмъ нельзя укротить кромѣ розогъ. Сергѣй Ивановичъ не сошелся съ нимъ и предложилъ взять этого солдата въ свою роту. Переводъ состоялся, и переведенный солдатъ въ первые же дни укралъ у товарища сапоги, пропилъ ихъ и набуянилъ. Сергѣй Ивановичъ собралъ роту и, вызвавъ передъ фронтъ солдата, сказалъ ему: «ты знаешь, что у меня въ ротѣ не бьютъ и не сѣкутъ и тебя я не буду наказывать. За сапоги, украденные тобой, я заплачу свои деньги, но прошу тебя, не для себя, а для тебя самого, подумать освоей жизни и измѣнить ее». Солдатъ опять напился и подрался. И опять не наказали его, а только уговаривали. «Еще больше повредишь себѣ; если же ты исправишься, то тебѣ самому станетъ лучше. Поэтому прошу тебя больше не дѣлать такихъ вещей». Солдатъ былъ такъ пораженъ этимъ новымъ для него обращеніемъ, что совершенно измѣнился и сталъ образцовымъ солдатомъ.

Всѣ члены тайнаго общества вводили у себя въ полкахъ училища для солдатъ, чтенія и выводили изъ упот-

ребленія палку. Въ то же время декабристы дѣлали очень много для крестьянъ; многіе изъ нихъ, живя постоянно въ деревнѣ, употребляли и свои средства, и силы, и знанія на улучшеніе быта крестьянъ; помогали имъ деньгами, освобождали ихъ отъ барщины, оброковъ, устраивали въ въ деревняхъ школы. Одинъ изъ членовъ общества, Пассекъ, посвятилъ всѣ свои силы улучшенію положенія крестьянъ; онъ завелъ въ своемъ имѣніи прекрасную школу, устроилъ въ ней занятія съ взрослыми; мальчики учились у него читать по книгѣ «о правахъ и обязанностяхъ гражданина». Крестьяне имѣли у него свой судъ, сами распоряжались мірскими сборами и сдачей рекрутъ. По воскресеньямъ собирались избранные отъ міра старики и разбирали общественныя дѣла и тяжбы. Состояніе крестьянъ Пассекъ улучшилось до невѣроятности, такъ какъ онъ тратилъ на нихъ десятки тысячъ и кромѣ того отдавалъ имъ много своего времени, силъ, заботъ. Точно также дѣйствовали въ своихъ имѣніяхъ Муравьевъ, Тютчевъ и другіе члены союза благоденствія. Во всѣхъ случаяхъ, когда можно было облегчить хоть сколько-нибудь положеніе крестьянъ, члены тайнаго общества всегда брали это на себя. Такъ, напр., въ 20-мъ году въ Смоленской губ. былъ голодъ, крестьяне ѣли сосновую кору, умирали съ голоду. Одинъ изъ будущихъ декабристовъ, Михаилъ Муравьевъ, узнавъ объ этомъ, отправился въ Москву и сталъ собирать деньги въ пользу голодающихъ; онъ собралъ ихъ на балахъ, на званыхъ обѣдахъ и ему удалось собрать около 30000 рублей. Не довольствуясь сборомъ денегъ, Муравьевъ предпринялъ слѣдующую мѣру: онъ созвалъ своихъ знакомыхъ и многихъ незнакомыхъ помѣщиковъ и предложилъ имъ подписать бумагу къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которой ярославскіе дворяне доводили до свѣдѣнія министерства о бѣдственномъ положеніи края.

Такова была въ общихъ чертахъ дѣятельность союза благоденствія. Въ дѣятельности этой не было ничего такого, чтобы приходилось дѣлать тайно, прячась отъ пра-

вительства; союзу благоденствія сначала и не было причинъ быть тайнымъ, потому что цѣли его совпадали съ желаніями царя; оно сдѣлалось тайнымъ только потому, что члены его хотѣли отдѣлиться отъ окружающихъ, спрятаться отъ любопытныхъ, къ тому же таинственность какъ то больше поднимала духъ. «Высокая цѣль, которую ставило общество его членамъ, самой своей таинственностью рѣзко и глубоко проникала въ мою душу, писалъ одинъ изъ членовъ его. Я какъ-то вдругъ получилъ особое значеніе въ своихъ собственныхъ глазахъ: сталъ внимательнѣе всматриваться и въ свою собственную жизнь».

Общество называлось тайнымъ не потому, чтобы ему была нужда скрываться и дѣйствовать крадучись, а потому, что члены этого общества слишкомъ ужъ отличались по своимъ мыслямъ и даже по своей жизни отъ остального общества, такъ что они какъ-то сами собой невольно отдѣлялись, обособлялись отъ окружающихъ; имъ нельзя было вездѣ и всѣмъ говорить о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, потому что ихъ навѣрное не поняли бы, а только осмѣяли или признали за сумасшедшихъ. Насколько мысли и планы членовъ тайнаго общества были въ противорѣчіи съ мыслями всего тогдашнаго общества, свидѣтельствуетъ, напр., такой случай. Одинъ изъ членовъ тайнаго общества, Якушкинъ, задумалъ отпустить на волю своихъ крестьянъ. «Я не зналъ, пишетъ онъ, какъ можно было бы это устроить, но имѣлъ полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе—мерзость. Я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ. Я сообщилъ объ этомъ своему дядѣ, который управлялъ небольшимъ моимъ имѣніемъ, въ Смоленской губ. Дядя выслушалъ меня даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ: онъ былъ увѣренъ, что я сошелъ съ ума!»

«Тайныя общества, писалъ другой декабристъ, Н. И. Тургеневъ, были неизбѣжны въ такой странѣ, какой была тогда Россія. Только тотъ, кто жилъ въ ней, могъ понять,

какъ трудно было въ Россіи не только что-нибудь дѣлать, но и высказывать свои мнѣнія. Чтобы говорить свободно и безъ опасеній, надо было не только заключиться въ тѣсный кружокъ, но даже хорошо выбирать людей, которые его составляютъ. Только при этомъ условіи возможенъ былъ искренній обмѣнъ мыслей. И потому для насъ невыразимую прелесть имѣла возможность говорить въ нашихъ собраніяхъ искренно, безъ опасенія быть дурно понятымъ и дурно истолкованнымъ, не только о предметахъ политическихъ, но и о всякихъ предметахъ».

Организація, т. е. порядокъ, управленіе дѣлами союза, была очень опредѣленна; каждому отводилось свое мѣсто, давалось свое дѣло; старѣйшіе члены союза или основатели общества составляли коренной совѣтъ и коренную управу; коренной совѣтъ рѣшалъ, какъ надо поступать въ разныхъ случаяхъ, а коренная управа проводила его рѣшеніе въ исполненіе. Потомъ была законодательная палата, которая составляла и поясняла законы союза. Кромѣ коренной управы въ разныхъ мѣстностяхъ устраивались побочныя управы. Всѣ дѣла въ управахъ рѣшались большинствомъ голосовъ. Все это пріучало членовъ общества дѣйствовать не въ одиночку и кое-какъ, а дружно, по одному общему плану, подчиняясь рѣшенію своихъ главныхъ руководителей; причемъ, каждый, однако, могъ подавать и свой голосъ при рѣшеніи разныхъ дѣлъ. Въ уставѣ союза благоденствія было постановлено, что никто изъ членовъ его не имѣетъ права оставлять занимаемой имъ должности, особенно, если это какая-нибудь высшая должность; это считалось необходимымъ ради двухъ цѣлей: во 1-хъ, для того, чтобы, оставаясь въ этой должности, приносить больше пользы и оказывать хорошее вліяніе на подчиненныхъ; а во 2-хъ, для того, чтобы общество могло произвести государственный переворотъ, когда для того представится удобный случай.

Добиться для Россіи перемѣны образа правленія, уничтоженія самодержавія, или, по крайней мѣрѣ, ограниче-

нія царской власти и отмѣны крѣпостного права—это входило въ задачи тайнаго общества съ самаго его основанія, но сначала члены его направили свое вниманіе на другія, болѣе ближайшія цѣли, надѣясь, что это дѣло будетъ исполнено добровольно царемъ; надѣялись они на это потому, что Александръ I обѣщалъ при своемъ вступленіи на престолъ, что онъ отмѣнитъ крѣпостное право и дастъ Россіи конституцію. Но время шло—императоръ все больше и больше отклонялся отъ этого намѣренія, пока, наконецъ, окончательно не отказался; члены же тайнаго общества убѣждались все больше и больше въ томъ, что вся ихъ работа не приведетъ почти ни къ чему до тѣхъ поръ, пока въ Россіи будетъ самодержавіе, такъ какъ въ самодержавіи все зло, и что надо прежде всего итти противъ самодержавія, употребить всѣ силы на борьбу съ нимъ. Имъ приходилось убѣждаться на каждомъ шагу, что крѣпостное право и чиновничій произволъ подрываютъ въ корнѣ всякое доброе, полезное начинаніе, имъ приходилось убѣждаться на каждомъ шагу въ томъ, что пока въ Россіи будетъ существовать самодержавіе и крѣпостное право, невозможно будетъ ничего сдѣлать для блага народнаго, всякое хорошее дѣло будетъ непрочно. Что ожидало, напр., крестьянъ Пассека послѣ его смерти? Они должны были перейти въ собственность его наслѣдниковъ, какъ это и случилось; имъ пришлось испытать на себѣ участь крѣпостныхъ у жестокаго помѣщика, и доля ихъ, послѣ ихъ прежней хорошей жизни, показалась имъ еще горше. Освобождать же крестьянъ, т. е. отпускать ихъ на волю, правительство помѣщикамъ запрещало. То же самое можно сказать и про дѣятельность членовъ тайнаго общества въ средѣ солдатъ; солдаты тоже переходили изъ рукъ однихъ офицеровъ и командировъ въ другія, а членовъ тайнаго общества среди офицеровъ было очень немного; переходя же отъ нихъ къ другимъ, которые обращались съ солдатами жестоко, они больше другихъ чувствовали горечь своего положенія. Итакъ, во всемъ, чтобы они не пред-

принимали, члены тайнаго общества встрѣчали на своемъ пути препятствія, которыя разрушали все сдѣланное ими. И въ этомъ не было ничего страннаго; вѣдь членовъ тайнаго общества было сравнительно немного; что могла сдѣлать сотня—другая людей честныхъ, самоотверженныхъ, дѣятельныхъ, когда кругомъ царилъ произволъ, воровство, лихоимство, грубость. Конечно, все то, что они дѣлали, было хорошо и полезно, но все же они своей дѣятельностью не удовлетворялись и съ каждымъ днемъ убѣждались все болѣе и болѣе въ томъ, что для блага Россіи необходимо во что бы то ни стало уничтожить крѣпостное право и свергнуть самодержавіе, замѣнивъ самодержавное правительство конституціоннымъ. И мысли будущихъ декабристовъ сосредоточились на этихъ двухъ вопросахъ. Одни изъ нихъ особенно настаивали на уничтоженіи крѣпостного права, другіе на сверженіи самодержавія, полагая, что тогда и крѣпостное право само собой рухнетъ. Особенно горячо настаивалъ на уничтоженіи крѣпостного права Н. И. Тургеневъ. Когда ему говорили о планахъ и цѣляхъ тайнаго общества, о введеніи въ Россіи конституціи, онъ всегда отвѣчалъ, что нельзя ни думать, ни говорить ни о какихъ конституціяхъ, пока въ Россіи существуетъ крѣпостное право. «Прежде всего, говорилъ онъ, надо уничтожить крѣпостное право. Это должно быть первымъ общественнымъ дѣломъ въ Россіи, способствовать ему долженъ каждый честный человѣкъ. А до тѣхъ поръ, по мнѣнію Тургенева, «невозможно думать о политической свободѣ тамъ, гдѣ милліоны несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы».

Но какъ добиться уничтоженія крѣпостного права и введенія конституціи въ Россіи? То и другое могло бы быть достигнуто двумя путями: или сверху — волею царя, или снизу—насильственнымъ переворотомъ, волею народа. Въ началѣ царствованія Александра I можно было надѣяться, что то и другое будетъ дано императоромъ, но вскорѣ послѣ войны съ французами на этой надеждѣ уже при-

ходилось поставить крестъ. Императоръ Александръ I, сначала такъ горячо относившійся къ планамъ о разныхъ преобразованіяхъ, сталъ постепенно къ нимъ охладѣвать и, наконецъ, совершенно отказался отъ нихъ. Въ его мнѣніяхъ, настроеніяхъ, поступкахъ произошла коренная перемѣна; онъ, какъ говорятъ, сжегъ все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигалъ. Прежнихъ друзей своихъ, горячо желавшихъ добра Россіи, онъ отдалилъ отъ себя и приблизилъ къ себѣ Аракчеева, которому понемногу довѣрился и, въ концѣ-концовъ, совсѣмъ подпалъ подъ его вліяніе. Аракчеевъ былъ человѣкъ крайне жестокій, властолюбивый, ненавидѣвшій свободу и все, что было тогда хорошаго въ Россіи; онъ хотѣлъ убить въ Россіи все живое, у него былъ ужасный планъ—распространить на всю Россію, на все крестьянство военную дисциплину; для этого онъ предполагалъ ввести въ Россіи военныя поселенія; дѣло заключалось бы въ слѣдующемъ: всѣ крестьяне обращаются въ солдаты, ихъ расписываютъ по ротамъ и полкамъ и хотя они продолжаютъ пахать землю, но на это имъ отводится лишь положенное время, а остальное время они должны проводить въ строю, какъ солдаты, и, вообще, вся ихъ жизнь должна идти по командѣ.«Когда устроятся военныя поселенія, говорилъ Аракчеевъ, тогда уже не нужно будетъ никого брать въ рекруты —вся Россія и такъ ужъ будетъ шагать по шеренгѣ». Планъ этотъ былъ ужасенъ: онъ приводилъ всѣхъ въ трепетъ, а Александръ I, подъ вліяніемъ Аракчеева, находилъ его прекраснымъ и далъ согласіе на приведеніе его въ исполненіе; тамъ, гдѣ эти военныя поселенія вводились, крестьяне бунтовали, но ихъ усмиряли самыми жестокими мѣрами. Однимъ словомъ, вмѣсто ожидаемаго освобожденія крестьянъ или хоть улучшенія ихъ положенія, несчастный русскій народъ узналъ еще худшую долю; зато чиновникамъ при устройствѣ военныхъ поселеній открылась широкая дорога для грабительства. Всѣхъ, кто рѣшался возстать противъ всего этого, высказаться смѣло за правду, стала постигать не-

милость, опала. Князь П. М. Волконскій, который находился необлучно при Александрѣ I съ самаго вступленія его на престолъ, лишился своего мѣста и былъ удаленъ отъ двора. Причиной этой немилости было то, что онъ не согласился поѣхать въ Грузины на поклонъ Аракчееву. Князь Голицынъ, министръ народнаго просвѣщенія, тоже получилъ отставку. Былъ удаленъ М. М. Сперанскій, умнѣйшій, даровитѣйшій человѣкъ, который, по порученію царя, написалъ для Россіи конституцію, много труда положивъ на эту работу. Аракчеевъ сблизилъ императора съ монахомъ Ѳотіемъ, который сталъ внушать ему, что кто увлекается наукой, тотъ измѣняетъ православію; императоръ подъ вліяніемъ его сталъ посѣщать монастыри и въ то же время усилилъ цензуру, издалъ стѣснительныя правила для университетовъ, студентовъ; однимъ словомъ, пошло гоненіе на науку, на просвѣщеніе, на всякое движеніе впередъ. Прежде такой мягкій, добрый, императоръ, дѣлался подъ вліяніемъ Аракчеева все болѣе жестокимъ. Проѣзжая черезъ Черниговскую и Полтавскую губерніи и бывши недовольнымъ большими дорогами въ этомъ краю, императоръ объявилъ строгій выговоръ генералъ-губернатору князю Рейнину. Рейнинъ извинялся тѣмъ, что въ его губерніяхъ неурожай и что онъ почелъ необходимымъ въ этомъ году дать льготу крестьянамъ, не высылая ихъ на большія дороги. «Что они дома сосутъ, то могутъ сосать и на большихъ дорогахъ», былъ отвѣтъ императора. Онъ все болѣе и болѣе ожесточался противъ Россіи. А между тѣмъ устройство большихъ дорогъ было повсемѣстно разорительно для крестьянъ; ихъ сгоняли и иногда очень издалека на какой-нибудь мѣсяцъ времени. Они должны были глубоко взрыть дорогу по бокамъ, взрытую землю перемётать на середину и все утоптать; потомъ посадить по два ряда березки, которыя, впрочемъ, очень часто втыкали безъ корней въ землю передъ самымъ проѣздомъ царя.

Итакъ, во всемъ царствованіе Александра I подъ конецъ стало мрачнымъ, настолько же мрачнымъ, насколько

оно обѣщало быть свѣтлымъ вначалѣ. Чѣмъ можно было объяснить подобную перемѣну? Этому было нѣсколько причинъ. Во-первыхъ, война 12 года. Война эта сначала отвлекла мысли императора отъ внутреннихъ дѣлъ, потомъ знакомство съ европейской жизнью вызвало въ немъ равнодушіе, холодность ко всему русскому, къ Россіи вообще, и, наконецъ, видя, какъ нѣкоторые изъ офицеровъ заинтересовались иностранной жизнью, онъ сталъ бояться, какъ бы русское общество не пошло по примѣру Западной Европы и не устроило въ Россіи революціи. Мысль о возможности въ Россіи революціи очень страшила Александра I. Къ тому же на Александра I сильно подѣйствовало вступленіе его въ Священный Союзъ. Вотъ какъ объясняетъ современникъ Александра I, Никитенко, что такое представлялъ изъ себя этотъ Священный Союзъ: «Вслѣдъ за низверженіемъ Наполеона въ Европѣ образовался такъ называемый Священный Союзъ изъ трехъ государей: прусскаго, австрійскаго и русскаго. Предлогомъ къ нему было поддержаніе мира. Государи объявили, что они будутъ поддерживать въ народахъ духъ христіанскаго братства. На самомъ же дѣлѣ Союзъ этотъ имѣлъ въ виду итти наперекоръ стремленію народовъ къ свободѣ. Во Франціи, незадолго до Наполеона, была провозглашена республика, были провозглашены свобода, равенство, братство; государи и боялись, какъ бы и другіе народы не захотѣли того же. Во Франціи было провозглашено такое правило (принципъ): не народы существуютъ для правителей, а правители для народовъ. Союзъ поставилъ себѣ цѣлью разрушать это убѣжденіе, мѣшать ему осуществляться. Однимъ словомъ, Священный Союзъ былъ заговоромъ правителей противъ народа». На Александра I участіе въ Священномъ Союзѣ оказало дурное вліяніе, убило въ немъ всѣ его предъ тѣмъ свободолюбивые планы. Слѣдующей причиной перемѣны былъ личный характеръ Александра I.

Вотъ какъ описываетъ характеръ Александра I тотъ же Никитенко: «Александръ I былъ человѣкъ съ честными

намѣреніями и возвышеннымъ образомъ мыслей, но ума не глубокаго и шаткой воли. Такого рода люди всегда искренно расположены къ добру и готовы его дѣлать, доколѣ имъ улыбается счастье. Но возникаютъ на ихъ пути трудности,—а это неизбѣжно, — и они теряются, падаютъ духомъ, раскаиваются въ своихъ прежнихъ широкихъ и благихъ замыслахъ. Положеніе ихъ требуетъ великихъ дѣлъ, а у нихъ нѣтъ того, что для этого необходимо—характера. Люди эти пригодны для обыкновенной простой жизни, но не для такого отвѣтственнаго положенія, каково положеніе правителя народа, когда они являются властителями народныхъ судебъ, руководителями событій, отъ которыхъ зависитъ благо цѣлаго общества. Извѣстно, какой переворотъ произошелъ въ императорѣ Александрѣ I послѣ первыхъ неудачъ. Даже сердце его охладѣло къ родинѣ, лишь только оказалось, что ея грубые нравы и невѣжество не могутъ быть передѣланы такъ скоро, какъ бы ему хотѣлось. И онъ отказался отъ реформъ, которыя самъ передъ тѣмъ признавалъ полезными и нужными, отказался потому, что онѣ требовали долгаго настойчиваго труда».

Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Никитенко, Александръ I былъ человѣкъ слабый, безхарактерный; у него не было силы для того, чтобы итти наперекоръ препятствіямъ, преодолѣвать ихъ; онъ сочувствовалъ мечтамъ друзей своей юности, но при первыхъ же попыткахъ провести свои намѣренія въ жизнь, онъ встрѣтился съ неудачами: оказалось, что большинство дворянъ, чиновниковъ, помѣщиковъ противъ какихъ бы то ни было новыхъ порядковъ, потому что имъ хорошо жилось и при старыхъ порядкахъ; испугавшись намѣреній государя, всѣ эти противники нововведеній постарались внушить ему, что всякая перемѣна грозитъ гибелью государству, что если, напримѣръ, облегчить положеніе крестьянъ, то все перевернется вверхъ дномъ, что ограниченіе царской власти было бы безуміемъ, что посягать на самодержавіе это значитъ

итти противъ Бога и т. д. Въ то же время они постарались оклеветать въ глазахъ императора всѣхъ его первыхъ друзей, которые склоняли его къ реформамъ. (Такъ, напр., на Сперанскаго, этого неутомимаго даровитаго работника, донесли, будто бы онъ выдалъ государственную тайну Наполеону и т. д.) Всѣ эти клеветы, наговоры, нашептыванія, запугиванія вліяли на императора съ одной стороны, а съ другой стороны его смущали разныя затрудненія, которыя онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу при попыткахъ провести что-нибудь въ жизнь. Однихъ приказаній императора оказывалось совершенно недостаточно, чтобы жизнь пошла по новому, если тѣ, кто долженъ былъ исполнять эти приказанія, не сочувствовалъ имъ. Чтобы царскія приказанія исполнялись, для этого нужно было, чтобы чиновники понимали эти приказанія и сочувствовали имъ, а для этого надо было прежде всего ихъ—этихъ чиновниковъ—замѣнить людьми, выборными отъ народа, а пока держалось чиновничество, все шло по старому. Александръ I думалъ, что довольно будетъ ему приказать, чтобы все такъ и дѣлалось; на дѣлѣ выходило наоборотъ. Бывали, напр., такіе случаи. Императоръ, желая облегчить положеніе крѣпостныхъ, строго запретилъ продажу крѣпостныхъ порознь; но помѣщики, словно царскаго приказа и не бывало, продолжали распоряжаться своими крѣпостными по-прежнему, продавая ихъ вмѣстѣ или порознь по своему усмотрѣнію. Когда помѣщичьи имѣнія продавались за долги, то, если у несостоятельнаго должника были крѣпостные, они продавались съ аукціона, какъ его собственность. Торги эти происходили въ петербургской гражданской палатѣ, находившейся прямо противъ оконъ царскаго дворца. На одномъ изъ такихъ аукціоновъ была какъ-то продана старуха за 2 рубля 50 коп., и это было въ двухъ шагахъ отъ дворца, въ которомъ жилъ самодержецъ, давно уже запретившій продажу людей въ одиночку. (Записки Якушкина). Когда до вѣдома императора доходили подобные слухи, они дѣйствовали на него удру-

чающимъ образомъ; онъ озлоблялся, падалъ духомъ и, въ концѣ концовъ, ослабѣвалъ; усталость брала верхъ надъ его лучшими желаніями, намѣреніями и онъ поддавался навѣтамъ крѣпостниковъ, слугъ самодержавія, казнокрадовъ и отказывался отъ прежнихъ своихъ увлеченій. Ему становилось послѣ этого больно, непріятно видѣть своихъ прежнихъ людей, напоминавшихъ ему о его былыхъ мечтахъ, и онъ удалялся отъ нихъ, окончательно подпадая подъ вліяніе Аракчеева. А тотъ, пользуясь этимъ, именемъ императора гналъ все честное, хорошее, все, что въ началѣ царствованія имъ же поощрялось. Тайное общество нѣкоторое время оставалось нетронутымъ; императору совѣстно было сначала преслѣдовать его. Когда, вскорѣ по возвращеніи его изъ заграницы, ему представленъ былъ кн. Васильчиковымъ докладъ о дѣятельности этого общества, Александръ I, выслушавъ этотъ докладъ, замѣтилъ: «Любезный Васильчиковъ! Вы, который служите съ самаго начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ всѣ эти мечты и всѣ эти заблужденія,—и послѣ нѣкотораго молчанія прибавилъ,—не мнѣ карать ихъ!» Однако, несмотря на эти слова, немилость къ членамъ тайнаго общества начинала сказываться все больше и больше. Императоръ сталъ бояться тайнаго общества подъ вліяніемъ нашептываній «змія» (такъ звали Аракчеева); онъ начиналъ представлять его себѣ даже страшнѣе и сильнѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Когда князь Волконскій хотѣлъ успокоить его на этотъ счетъ, онъ возразилъ ему: «ты ничего не понимаешь! Эти люди могутъ кого хотятъ возвысить или уронить въ общественномъ мнѣніи; къ тому же они имѣютъ огромныя средства: въ прошломъ году во время неурожая въ Смоленской губерніи они кормили цѣлые уѣзды.

Мы указали на двѣ причины перемѣны, происшедшей въ планахъ и намѣреніяхъ Александра I—на войну 12-го года и на личный характеръ Александра I; самой же главной коренной, настоящей причиной этой перемѣны было

то, что онъ былъ самодержецъ; самодержавіе, какъ это ярко доказываетъ примѣръ Александра I, безусловно гибельно для народа; оно гибельно и для царей, оно развращаетъ и убиваетъ въ людяхъ все хорошее, все доброе; (примѣръ Александра I, какъ нельзя лучше, это доказываетъ); почему главнымъ образомъ разстался онъ со своими честными намѣреніями, желаніями? Почему изъ добраго и мягкаго человѣка сталъ злодѣемъ? Почему обманулъ свой народъ, не исполнивъ своихъ обѣщаній дать ему свободу? Почему отдалилъ отъ себя честныхъ, хорошихъ людей—друзей своей юности и приблизилъ къ себѣ змія—Аракчеева? Чѣмъ объясняются всѣ эти поступки Александра I? Они объясняются тѣмъ тлетворнымъ вліяніемъ, которое оказывала на него самодержавная власть, его положеніе самодержца. Быть самодержцемъ это значитъ все время быть въ обществѣ льстецовъ, предателей народа это, значитъ никогда не знать правды, это значитъ постоянно дрожать за свою власть, за цѣлость своей жизни, это значитъ постоянно озлобляться и мало-по-малу терять всякое нравственное чувство, не считаться ни съ какими обязательствами, не считать себя обязаннымъ ничѣмъ и ни предъ кѣмъ. И Александръ I, дѣйствительно, дошелъ наконецъ до того, что совершенно опустился нравственно и, будучи самодержцемъ на самомъ дѣлѣ, сталъ добровольно игрушкой въ рукахъ «змія»—Аракчеева; изъ «счастливаго исключенія», какимъ онъ называлъ себя, сталъ тѣмъ, чѣмъ неизбѣжно бываютъ всѣ самодержцы—орудіемъ въ рукахъ кучки людей, толпящейся у трона,—мучителемъ народа. Итакъ, дороги императора и членовъ тайнаго общества окончательно разошлись; изъ друзей, единомышленниковъ они стали его врагами. Царь измѣнилъ своимъ обѣщаніямъ, измѣнилъ самому себѣ и окончательно и безповоротно повернулъ назадъ; члены же тайнаго общества продолжали итти своей прежней дорогой, добывая народу свѣтъ и свободу, но только имъ пришлось избрать для себя болѣе рѣшительный образъ дѣйствій. Между ними и правитель-

ствомъ произошелъ полный разрывъ и между ними всталъ «змій» Аракчеевъ. Въ 1820 году одинъ изъ декабристовъ, В. Ѳ. Рылѣевъ, напечаталъ оду (стихотвореніе) подъ заглавіемъ «Къ временщику»; въ немъ съ большой смѣлостью онъ высказалъ свое отношеніе къ Аракчееву, передъ которымъ тогда трепетала вся Россія. Вотъ эта ода:

Надменный временщикъ! И подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ,
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ.
О какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ...
Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о, временщикъ надменный,
Народъ гиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство.

Въ этой одѣ высказалось отношеніе тайнаго общества къ правительству, обозначилась та пропасть, которая легла между ними, намѣтилась та дорога, по которой пошло тайное общество.

Руководителямъ тайнаго общества уже съ 1820 года стало ясно, что надо приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, оставивъ прежній мирный путь дѣйствій. Ввиду этого, надо было прежде всего позаботиться о томъ, что

бы удалить изъ него людей слабыхъ, ненадежныхъ, оставивъ лишь преданныхъ дѣлу, готовыхъ итти до конца на все. Съ этой цѣлью сдѣлано было слѣдующее: въ февралѣ мѣсяцѣ 1821 года устроенъ былъ съѣздъ. На этомъ съѣздѣ положено было закрыть союзъ благоденствія. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, объявилъ, что союзъ закрывается совсѣмъ и навсегда; это не удивило никого, ввиду тѣхъ преслѣдованій, которыя на глазахъ у всѣхъ начинались противъ союза; однако, объявлено это было лишь для того, чтобы удобнѣе было скрыть существованіе общества, которое уже въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось тайнымъ и поставило своей задачей свергнуть самодержавіе.

Послѣ объявленнаго закрытія союза благоденствія началась новая пора въ дѣятельности тайнаго общества,—оно вступило на новый путь, путь смѣлыхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, путь опасный и гибельный для каждаго изъ нихъ, путь открытой борьбы съ правительствомъ. И вступившіе въ него члены послѣ московскаго съѣзда поклялись служить дѣлу освобожденія родины до послѣдней капли крови, поклялись держать это дѣло въ тайнѣ, принимая въ члены общества только людей надежныхъ, людей сильныхъ духомъ и преданныхъ дѣлу.

Въ своемъ новомъ составѣ тайное общество возродилось не сразу. Сначала объединились члены южныхъ управъ закрытаго союза благоденствія; они образовали южное общество, избравшее своимъ предсѣдателемъ Павла Ивановича Пестеля; чрезъ нѣсколько времени образовалось и сѣверное общество подъ предсѣдательствомъ Никиты Михайловича Муравьева. Такое раздѣленіе общества на два: сѣверное и южное, было признано удобнымъ потому, что Россія велика и очень трудно всѣмъ между собою сговариваться и собираться.

Въ южномъ обществѣ соединились люди большею частію очень горячіе, пылкіе, въ сѣверномъ—люди болѣе спокойные. И то и другое общества выработали свой планъ будущаго государственнаго устройства Россіи, котораго и

рѣшено было добиваться. Сѣверное общество предполагало ввести въ Россіи конституцію, приэтомъ оно считало, что послѣ сверженія самодержавія въ Россіи придется все-же оставить монархію и лишь современемъ замѣнить ее республиканскимъ образомъ правленія; южное же общество стояло за республику.

Однако, очень большой разницы на этотъ счетъ въ мнѣніяхъ сѣвернаго и южнаго обществъ не существовало, потому что и то и другое считали, что не можетъ заранѣе сказать, какой образъ правленія долженъ быть введенъ въ Россіи—монархическій или республиканскій; этотъ вопросъ долженъ рѣшить великій земскій соборъ изъ выборныхъ отъ всей русской земли, который и установитъ окончательно всѣ законы будущаго русскаго государства.

Планъ сѣвернаго общества былъ изложенъ его предсѣдателемъ, Никитою Михайловичемъ Муравьевымъ; планъ южнаго общества—Павломъ Ивановичемъ Пестелемъ въ уставѣ, который назывался «Русской Правдой». Конституція Муравьева и «Русская Правда» Пестеля были до сихъ поръ почти неизвѣстны, потому что цензура не позволяла ихъ печатать и только въ отрывкахъ они появились за самое послѣднее время въ одномъ изъ русскихъ журналовъ («Былое»).

Конституція Муравьева начинается введеніемъ, въ которомъ говорится слѣдующее:

«Опытъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ доказалъ, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для общества, что она не согласна ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка; нельзя допустить основаніемъ правительства—произволъ одного человѣка; невозможно согласиться, чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, а всѣ обязанности—на другой. Слѣпое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и недостойно ни разумнаго повелителя ни разумныхъ исполнителей. Ставя себя выше законовъ, государи забыли, что они въ такомъ случаѣ внѣ законовъ, внѣ че-

ловѣчества, что невозможно имъ ссылаться на законъ, когда дѣло идетъ о другихъ, и не признавать ихъ бытіе, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ. Одно изъ двухъ: или они справедливы,—тогда къ чему же нехотятъ и сами подчиняться онымъ, или они несправедливы,—тогда зачѣмъ хотятъ они подчинять имъ другихъ? Всѣ народы европейскіе достигаютъ законовъ и свободы. Болѣе всѣхъ ихъ народъ русскій заслуживаетъ того и другого.

Но какой образъ правленія ему приличенъ? Народы малочисленные бываютъ обыкновенно добычей сосѣдей и не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внѣшней независимостью, но обыкновенно страдаютъ отъ внутренняго утѣсненія и бываютъ въ рукахъ деспота орудіемъ притѣсненія и гибели сосѣднихъ народовъ.

Обширность земель, многочисленное войско препятствуютъ однимъ быть свободнымъ; тѣ, которые не имѣютъ сихъ неудобствъ, страждутъ отъ своего безсилія. Федеральное или союзное правленіе одно разрѣшило сію задачу, удовлетворило всѣмъ условіямъ и согласило величіе народовъ и свободу гражданъ.

Подъ надзоромъ государя одно законодательное собраніе находится въ столицѣ и дѣлаетъ всѣ распоряженія общія, для всего государства; частныя распоряженія, касающіяся до областей, предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе столичнаго, и такимъ образомъ доставляется благосостояніе цѣлаго и частей».

Такимъ образомъ, по мысли Муравьева, Россія, чтобы быть счастливой, пользоваться хорошимъ управленіемъ, должна быть раздѣлена на части, которыя составятъ между собой союзъ или федерацію, т. е. другими словами Муравьевъ представлялъ себѣ въ будущемъ Россію такимъ государствомъ, какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. По плану Муравьева, Россію слѣдовало бы раздѣлить на 8 державъ или царствъ: великое княжество Смоленское; государство Псковское, Малая Россія, Бѣлая Россія, Черм-

ная Россія, великое княжество Нижегородское, великія княжества Ярославское, Казанское, Пермское и кромѣ того: царство Польское, Курляндія, Лифляндія, Финляндія и Грузія. Части эти должны пользоваться полной самостоятельностью въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія и имѣть одно общее государственное правленіе. Власть монарха должна быть ограничена народнымъ вѣчемъ, которое состоитъ изъ верховной думы и палаты народныхъ представителей. Чтобы быть членомъ верховной думы надо имѣть не менѣе 30 лѣтъ, 9 лѣтъ быть гражданиномъ Россіи, жить во время выборовъ въ соотвѣтственной держ-вѣ и, кромѣ того, обладать недвижимымъ имуществомъ, размѣръ котораго указывается закономъ. Верховной думѣ принадлежитъ право суда надъ министрами, верховными судьями и всѣми прочими сановниками имперіи по обвиненію, возбужденному народными представителями, причемъ обвиненіе это должно быть постановлено большинствомъ.

Дума не назначаетъ наказанія, а только объявляетъ подсудимаго виновнымъ и лишаетъ его занимаемаго имъ мѣста и званія. Судъ надъ виновнымъ совершается обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ съ присяжными. Изобличенный судомъ государственный сановникъ подвергается карѣ, опредѣленной законами. Дума участвуетъ вмѣстѣ съ императоромъ въ заключеніи мира, въ назначеніи судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ, главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами, корпусныхъ командировъ, начальниковъ эскадръ и верховнаго блюстителя. Всѣ эти вопросы рѣшаются большинствомъ $^2/_3$ голосовъ. Народное вѣче собирается по крайней мѣры разъ въ годъ. Личность народныхъ представителей неприкосновенна. Засѣданія обѣихъ палатъ публичныя. Всякое измѣненіе налоговъ или наборъ ратниковъ обсуждается предварительно въ палатѣ представителей.

Всякій проектъ закона прочитывается три раза въ каждой палатѣ. Между двумя чтеніями должно пройти по крайней мѣрѣ 2—3 дня; послѣ каждаго чтенія происхо-

дятъ пренія. Проектъ, принятый обѣими палатами и одобренный императоромъ, становится закономъ. Права народнаго вѣча очень широки: оно издаетъ законы, устанавливаетъ налоги, повѣряетъ и утверждаетъ расходы, объявляетъ войну, заботится о распространеніи просвѣщенія, промышленности и пр. Однако, и народное вѣче не имѣетъ права измѣнять конституціи, т. е. основныхъ законовъ государства; это право принадлежитъ народному, великому и державному собору, который собирается въ особенно важныхъ случаяхъ, когда того требуютъ событія. Къ такимъ основнымъ законамъ, на которые посягать не имѣетъ права даже и народное вѣче, относятся: законъ о вѣротерпимости, по которому всякій гражданинъ воленъ исповѣдывать ту вѣру, которую онъ считаетъ лучшей; Законъ о свободѣ слова и печати. Императоръ признается «верховнымъ чиновникомъ россійскаго правительства», онъ имѣетъ права, опредѣляемыя конституціей, но не можетъ превышать данной ему власти. Онъ не можетъ, напр., употреблять войска внутри Россіи въ случаѣ возмущенія, не сдѣлавъ о томъ предложенія народному вѣчу, которое немедленно должно удостовѣриться путемъ дознанія въ необходимости военнаго положенія. Онъ носитъ титулъ его императорскаго величества, но выраженія: «именное повелѣніе, высочайшее соизволеніе, быть по сему и т. п.» уничтожаются, какъ неприличныя и неимѣющія никакого значенія въ землѣ благоустроенной. При вступленіи въ управленіе онъ приноситъ посреди народнаго вѣча присягу въ томъ, что будетъ сохранять и защищать конституцію. Члены императорскаго семейства не отличаются отъ частныхъ лицъ и не пользуются никакими правами и преимуществами. Всѣ русскіе, по конституціи Муравьева, равны предъ закономъ Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются. Каждый человѣкъ имѣетъ право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ.

Книги, подобныя всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ, подве-

ржены обвиненію гражданъ предъ судомъ и подлежатъ суду присяжныхъ. Всѣ судебныя дѣла, уголовныя и политическія, рѣшаются судомъ присяжныхъ.

Подозрѣваемый въ злоумышленіи долженъ быть взятъ подъ стражу постановленными уставомъ властями и учрежденнымъ порядкомъ, но въ 24 часа должно ему объявить письменно о причинѣ его задержанія, въ противномъ случаѣ онъ немедленно освобождается. Подземелья, крѣпостные казематы и вообще всѣ государственныя темницы уничтожаются; никто не можетъ быть заключенъ иначе, какъ въ назначенныхъ для этого общественныхъ темницахъ. Тюремное начальство «избирается»; оно отвѣчаетъ за всякій противозаконный и безчеловѣчный поступокъ съ заключенными. Всѣ чины и сословія уничтожаются: названія и сословія однодворцевъ, мѣщанъ, дворянъ, именитыхъ гражданъ и пр. замѣняются всѣ названіями гражданина и русскаго.

Вотъ главныя основы конституціи Муравьева, принятой Сѣвернымъ обществомъ; при составленіи ея онъ больше всего дѣлалъ заимствованій изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; нѣкоторыя же черты (напр., монархическая власть, имущественный цензъ для представителей) взяты имъ изъ Англійской Конституціи. Проектъ этотъ обсуждался другими членами сѣвернаго общества и послѣ обсужденія Муравьевъ вносилъ въ него нѣкоторыя поправки; такъ, напр., многіе возражали противъ имущественнаго ценза, высказывая мнѣніе, что желательно было бы ввести всеобщее избирательное право. Было постановлено распространить между людьми всѣхъ состояній множество экземпляровъ этой конституціи; а чтобы сдѣлать ее еще болѣе понятной для народа, Муравьевъ началъ писать ея изложеніе для народа, но не докончилъ этого сочиненія. Это неоконченное произведеніе было названо имъ «Любопытный разговоръ»; его назвали еще: «Катехизисъ вольнаго человѣка». Вотъ нѣкоторыямѣста изъ него: («Былое») Вопросъ. Всѣ ли люди свободны? Отвѣтъ. Нѣтъ, ма-

лое число поработило большее. Однимъ пришла несправедливая мысль господствовать, а другимъ подлая мысль отказаться отъ природныхъ правъ человѣческихъ, дарованныхъ самимъ Богомъ». Вопросъ. Не самъ ли Богъ учредилъ самодержавіе? Отвѣтъ. Богъ во благости своей никогда не учреждалъ зла... злая власть не можетъ быть отъ Бога, всякое древо доброе добры плоды творитъ, всякое же древо, не приносящее плодовъ добрыхъ, будетъ посѣчено и ввергнуто въ огнь. Вопросъ. Есть ли государи самодержавные въ другихъ земляхъ? Отвѣтъ. Нѣтъ, вездѣ самодержавіе считаютъ безумiемъ, беззаконiемъ, вездѣ постановлены непремѣнныя правила или законы. Вопросъ. Но могутъ ли быть постоянные законы при самодержавіи? Отвѣтъ. Самодержавіе или самовластіе ихъ не терпитъ, для него нуженъ безпорядокъ и всегдашнія перемѣны. Вопросъ. Почему же самовластіе не терпитъ законовъ? Отвѣтъ. Потому что государь властенъ дѣлать все, что захочетъ. Сегодня ему вздумается одно, завтра другое, а до пользы нашей ему дѣла мало...

Муравьевъ не докончилъ своего «Любопытнаго разговора» за недостаткомъ времени; впослѣдствіи онъ былъ оконченъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ и названъ ими «Православнымъ Катехизисомъ». Этотъ «Катехизисъ» Муравьевъ-Апостолъ читалъ солдатамъ передъ выступленiемъ ихъ въ походъ. Читатель прочтетъ этотъ катехизисъ въ концѣ нашей книжки. «Русская Правда» Пестеля представляетъ собой большое сходство съ конституцiей французской республики; она во многомъ отличается отъ конституцiи Муравьева; такъ, напр., Пестель настаиваетъ на введенiи республиканскаго образа правленiя.

По вопросу о способахъ и средствахъ борьбы для достиженiя намѣченныхъ цѣлей Сѣверное и Южное общество тоже расходились. Южное готово было на самыя рѣшительныя мѣры; предполагало даже начать съ цареубiйства; сѣверное же общество возлагало большiя надежды на пропаганду своихъ идей, оно надѣялось, что при

большомъ сочувствіи всѣхъ людей, дѣло рѣшится какъ-нибудь по соглашенію, что императоръ, когда всюду начнутся возмущенія, самъ, можетъ быть, согласится ограничить свою власть. Но оба общества сходились на томъ, что надо начинать дѣло съ возстанія, надо поднимать войско; потомъ предполагалось возставшія войска вести въ Москву, принудить сенатъ провозгласить перемѣну образа правленія и установить временное правительство до созыва великаго державнаго собора. Дѣйствія тайнаго общества послѣ этого направлялись главнымъ образомъ на то, чтобы подготовить къ возмущенію войска. Кромѣ того, дѣятельно разрабатывался и обсуждался планъ дѣйствій. Предложеній на этотъ счетъ было не мало. Такъ, напр., Муравьевымъ предложенъ былъ такой планъ: 1) распространить въ народѣ листки съ планомъ конституціи; 2) произвести возмущеніе въ войскѣ и обнародовать ее; 3) по мѣрѣ успѣховъ военныхъ, т. е. распространенія возстанія во всѣхъ занятыхъ губерніяхъ и областяхъ, приступить къ созыву избирателей, выбору мѣстныхъ правленій, учрежденію державныхъ палатъ, а въ случаѣ великихъ успѣховъ и «народнаго вѣча»; 4) если бы и тогда императорская фамилія не приняла конституціи, то, какъ крайнее средство, онъ предполагалъ изгнать ее и предложить введеніе республиканскаго образа правленія.

Намѣчался другой планъ: прежде всего убить Александра I, какъ измѣнника Россіи, провозгласить временное правительство, а затѣмъ выбрать новаго императора, заставивъ его подписать конституцію, или же учредить въ Россіи республику. Въ то время, когда члены тайнаго общества готовились къ рѣшительной борьбѣ съ правительствомъ, правительство тоже намѣчало планъ дѣйствій для борьбы съ ними; о нихъ черезъ шпіоновъ наводились справки и рѣшался вопросъ, кого изъ нихъ слѣдуетъ прежде всего забрать, гдѣ и какимъ образомъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы окончились всѣ эти приготовленія двухъ воюющихъ сторонъ и которая изъ нихъ раньше привела бы

въ исполненіе свои планы.... Внезапная смерть Александра I въ Таганрогѣ, 10 ноября 1825 года, придала всему дѣлу новый оборотъ.

Послѣ смерти Александра I престолъ долженъ былъ по закону наслѣдовать его братъ, Константинъ Павловичъ, который въ это время находился въ Варшавѣ. И Россія начала присягать этому законнному наслѣднику. Однако тутъ произошло замѣшательство. Въ бумагахъ покойнаго императора найденъ былъ конвертъ съ надписью: «хранить до моего востребованія; въ случаѣ моей кончины вскрыть прежде всякихъ другихъ дѣйствій въ чрезвычайномъ собраніи». Этотъ запечатанный конвертъ былъ положенъ покойнымъ императоромъ на храненіе въ Успенскомъ Соборѣ и переданъ митрополитомъ Филаретомъ младшему брату Александра I, Николаю Павловичу. Въ этомъ конвертѣ заключались бумаги, въ которыхъ, какъ сообщилъ Николай, заключалось будто бы отреченіе отъ престола Константина Павловича въ пользу его брата Николая. Но такъ какъ непосредственно послѣ смерти Александра I Константинъ Павловичъ не подтвердилъ своего-отреченія отъ престола, то всѣ находились въ недоумѣніи, кому присягать? Николай присягнулъ брату. Между тѣмъ, въ Варшаву къ Константину посланъ былъ курьеръ. Въ ожиданіи отъ него отвѣта въ обществѣ и въ народѣ ходили всевозможные слухи и толки, какъ относительно внезапной смерти Александра I, такъ и насчетъ содержанія того таинственнаго пакета, который былъ предъявленъ митрополитомъ. Такое неопредѣленное положеніе длилось цѣлый мѣсяцъ. Такъ какъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ, ни телефоновъ тогда не существовало, то всѣ извѣстія, и въ томъ числѣ вѣсть о смерти Александра I и отвѣтъ Константина Павловича, передавались черезъ курьеровъ. Лишь 12 декабря стало извѣстно, что Константинъ Павловичъ отрекается отъ своихъ правъ на престолъ. 14 декабря было объявлено днемъ восшествія на престолъ Николая I и принесеніе ему присяги. Мѣсяцъ, протекшій со времени смерти

Александра I до провозглашенія императоромъ Николая, не пропалъ даромъ для дѣятельности тайнаго общества; члены его въ это время успѣли сговориться и составить планъ своихъ ближайшихъ дѣйствій. Ими было рѣшено, что всѣ эти обстоятельства: присяга одному императору, потомъ другому, общее волненіе, замѣшательство могутъ быть удобнымъ предлогомъ для того, чтобы начать открытое возстаніе противъ правительства. Затѣмъ рѣшено было дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: поднять войска, увѣривъ солдатъ, что Константинъ Павловичъ не отрекался отъ престола, вести ихъ на Сенатскую Площадь и заставить сенатъ: 1) Издать манифестъ съ описаніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Россія, и съ созывомъ выборныхъ людей отъ всѣхъ сословій, которымъ надлежало рѣшить: 1) кому вступить на престолъ и на какихъ основаніяхъ, 2) учредить временное правительство, до утвержденія новаго императора, общимъ соборомъ выбранныхъ людей. На временное правительство возлагалась обязанность составить проектъ Государственнаго Уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ же манифестѣ должны быть объявлены: 1) равенство всѣхъ передъ закономъ, 2) свобода слова и печати, 3) уничтоженіе военныхъ поселеній, 4) сокращеніе срока военной службы для нижнихъ чиновъ, 5) введеніе выборнаго начала при замѣщеніи разныхъ должностей, 6) гласность суда, 7) судъ присяжныхъ, 8) независимость университетовъ и др.

Для приведенія всего этого въ исполненіе между членами тайнаго общества распредѣлены были обязанности: кто долженъ былъ что дѣлать и гдѣ находиться.

Днемъ возстанія выбрано было 14 декабря; мѣстомъ дѣйствія—Сенатская площадь въ Петербургѣ; главнымъ предводителемъ—князь Трубецкой, которому рѣшено было на этотъ день предоставить диктаторскую власть, т. е. са-

мую полную власть; намѣчены были также члены будущаго временнаго правительства—Сперанскій, Мордвиновъ и Ермоловъ.

Трубецкой былъ увѣренъ, что если удастся уговорить солдатъ итти на площадь, то они достигнутъ и остальнаго; онъ расчитывалъ на то, что одинъ полкъ ни за что не пойдетъ на другой, и что самъ императоръ не захочетъ кровопролитія, а потому добровольно откажется отъ своей власти. Не всѣ, конечно, раздѣляли увѣренность Трубецкого, но большинство готово было рисковать своей жизнью, большинство стояло за то, что надо попытаться поднять возстаніе, чѣмъ бы оно ни окончилось, такъ какъ болѣе удобнаго момента трудно будетъ дождаться. Почти никто не предполагалъ, что царь допуститъ кровопролитіе и что полки пойдутъ на полки. Всѣмъ рисовался такой ходъ дѣла: возмутившееся войско выйдетъ на площадь, открыто заявитъ свои требованія и будетъ ждать отвѣта. Царь войдетъ въ переговоры; ему предложено будетъ сложить съ себя власть, передавъ ее временному правительству, и объявить созывъ народныхъ представителей. Всѣ эти переговоры они думали вести съ Константиномъ, котораго считали умнѣе и серьезнѣе Николая, и потому начать заявленіе своихъ требованій было рѣшено съ призваніемъ на царство Константина. Солдатамъ внушалось прежде всего провозгласить новымъ императоромъ Константина. Было даже рѣшено въ ожиданіи пріѣзда его изъ Варшавы въ Петербургъ расположиться лагеремъ около Петербурга, несмотря на зимнее время и жестокій морозъ. Все это поспѣшно обсуждалось и рѣшалось въ декабрьскіе дни въ Петербургѣ, душой заговора былъ К. Ф. Рылѣевъ (авторъ стихотворенія «Къ временщику»). У него на квартирѣ большею частью происходили послѣднія собранія декабристовъ, собранія, на которыхъ обсуждались всѣ подробности заговора. Рылѣевъ вдохновлялъ всѣхъ, онъ весь дышалъ однимъ стремленіемъ привести задуманный планъ въ исполненіе, онъ вѣрилъ въ успѣхъ его и этой вѣрой заражалъ дру-

гихъ; онъ съ горячностью, съ увлеченіемъ говорилъ о томъ, что уже слышитъ вѣяніе свободы, уже видитъ зарю новыхъ дней, восходящую надъ Россіей, и его настроеніе, его воодушевленіе передавалось и другимъ, тѣмъ болѣе, что въ его личности было что-то необыкновенно обаятельное и привлекательное, что дѣйствовало на людей неотразимо. Въ то же время на югѣ, съ такой же горячностью и силой, дѣйствовали Пестель и Муравьевъ—Апостолъ, подготовляя возстаніе въ войскахъ, которыя должны были итти на помощь сѣверянамъ и соединиться въ Москвѣ. Пестель тоже имѣлъ огромное вліяніе на своихъ товарищей и сотрудниковъ. Это былъ человѣкъ другого закала, чѣмъ Рылѣевъ. Тогда какъ тотъ самъ жилъ больше всего чувствомъ и на другихъ оказывалъ вліяніе своимъ настроеніемъ, подъемомъ чувствъ, восторженностью, Пестель, напротивъ, отличался большимъ умомъ, необыкновенной дѣловитостью и сильнымъ характеромъ. У него были обширныя познанія, рѣдкая настойчивость и замѣчательное краснорѣчіе. Никто не могъ противостоять его доводамъ и убѣжденіямъ. Ему больше всѣхъ тайное общество обязано было своей сплоченностью, своимъ устройствомъ, организаціей. Онъ все обдумывалъ и упорно работалъ надъ исполненіемъ своихъ плановъ. Пестель глубоко и непреклонно вѣрилъ въ то дѣло, которому онъ служилъ, которому былъ такъ беззавѣтно преданъ. Дѣйствія его всегда отличались смѣлостью и рѣшительностью. Очень можетъ быть, что если бы ему было поручено руководить возстаніемъ въ Петербургѣ, а не слабому и безхарактерному Трубецкому, на котораго такъ неудачно указалъ Рылѣевъ, то дѣло приняло бы и другой оборотъ...

Но никакой счастливой случайности 14 декабря не произошло. Напротивъ, ихъ постигла неудача, всѣ ихъ надежды, всѣ ихъ замыслы рушились, расчеты не оправдались. Царь не пожалѣлъ народной крови, и полки пошли на полки... Человѣческая кровь пролилась по почину царскаго войска, а послушные царскіе слуги въ ту же ночь

перехватали многихъ участниковъ заговора. Съ перваго же дня своего восшествія на прѐстолъ Николай принялся за дознаніе по дѣлу декабристовъ. По его приказанію, ихъ арестовывали одного за другимъ, везли въ Пете бургъ, сажали въ казематы, напоминавшіе собой каменные гробы; подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, очень часто въ его присутствіи, при его участіи имъ дѣлали допросы. До вступленія своего на прѐстолъ, Николай любилъ только одно: фронтовую службу,—для него больше ничего не существовало на свѣтѣ; декабрьскій заговоръ возбудилъ въ немъ интересъ къ новому дѣлу—сыску. И онъ набросился на это дѣло съ рвеніемъ необычайнымъ, забывъ обо всѣхъ другихъ дѣлахъ. Самъ по цѣлымъ часамъ допрашивалъ ихъ, вынуждалъ у нихъ признанія разными способами: угрозами, ложными обѣщаніями, хитростью; самъ отдавалъ приказъ, гдѣ и какъ ихъ хватать, какъ содержать, какъ допрашивать и т. д. Усердіе царя, конечно, передавалось его слугамъ, и дознаніе по дѣлу декабристовъ велось поэтому съ непомѣрной жестокостью, издѣвательствомъ за ихъ неудавшуюся попытку устроить государственный переворотъ, за ихъ прежнюю дѣятельность, которая была такъ хорошо извѣстна самому императору и въ началѣ велась съ его вѣдома. Ихъ судили, какъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ и злодѣевъ; не смотря на то, что собственно въ мятежѣ принимали участіе лишь немногіе, сравнительно, изъ членовъ тайнаго общества, всего нѣсколько десятковъ человѣкъ, было схвачено до 600 человѣкъ, причемъ совершенно ни въ чемъ неповинные были отпущены, а 121 были привлечены къ суду и слѣдствію. Болѣе года протомились они въ мрачныхъ, сырыхъ тюрьмахъ; многіе изъ нихъ въ оковахъ, пока производилось это слѣдствіе, этотъ судъ. Что это былъ за «судъ»! Судили ихъ тѣ же царскіе слуги, которымъ велѣно было осудить ихъ на смерть и на каторгу, судили безъ свидѣтелей, безъ защиты. «Судъ» и велся-то только для того, чтобы при помощи допросовъ разыскать всѣхъ участниковъ дѣла и раскрыть всѣ нити

заговора. Судили ихъ, какъ злодѣевъ, какъ убійцъ, не было въ числѣ ихъ судей ни одного, который бы сказалъ, что всѣ эти подсудимые—герои, борцы за свободу, что они лучшіе, благороднѣйшіе люди страны. Нельзя было и въ печати заступиться за нихъ, сказать слово въ ихъ защиту, потому что цензура не пропустила бы ничего, что бы было написано о декабристахъ. Подсудимые вели всѣ себя на судѣ твердо, и на допросахъ лишь думали о томъ, какъ бы не сказать лишняго, какъ бы не оговорить своихъ товарищей. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ поневолѣ проговаривались и разсказывали лишнее, ихъ доводилъ до этого большею частью Николай I, который умѣлъ очень хитро вести допросъ и говорить съ ними такъ, что они ему довѣрялись, иныхъ же онъ озадачивалъ сразу своими неожиданными вопросами. Вотъ, напр., какъ онъ допрашивалъ Якушкина (допросъ этотъ записанъ въ дневникѣ Якушкина).

«Меня ввели въ огромную залу; почти въ углу стоялъ раскрытый ломберный столъ, и за нимъ сидѣлъ въ мундирѣ генералъ Левашевъ. Онъ пригласилъ меня сѣсть противъ него и началъ вопросомъ:—Принадлежалили вы къ тайному обществу? Я отвѣчалъ утвердительно. Далѣе онъ спросилъ:—Какія вамъ извѣстны дѣйствія тайнаго общества, къ которому вы принадлежали?—Я отвѣчалъ, что собственно дѣйствій тайнаго общества я никакихъ не знаю.—Милостивый государь,—сказалъ мнѣ тогда Левашевъ,—не думайте, чтобы намъ ничего не было извѣстно. Происшествія 14-го числа были только преждевременною вспышкою и вы должны были еще въ 1818 году нанести ударъ императору Александру.—Это заставило меня призадуматься; я не полагалъ, чтобы совѣщаніе, бывшее въ 18-мъ году въ Москвѣ, могло быть извѣстно.—Я даже вамъ разскажу,—продолжалъ Левашевъ,—подробности намѣреваемаго вами цареубійства: изъ числа бывшихъ тогда на совѣщаніи вашихъ товарищей—на васъ палъ жребій.—Ваше превосходительство, это не совсѣмъ справедливо: я вызвался самъ

нанести ударъ императору и не хотѣлъ уступить этой чести никому изъ моихъ товарищей.—Левашевъ сталъ записывать мои слова.—Теперь, милостивый государь,—продолжалъ онъ,—не угодно ли вамъ будетъ назвать тѣхъ изъ вашихъ товарищей, которые были на этомъ совѣщаніи.

— Этого я никакъ не могу сдѣлать, потому что, вступая въ тайное общество, я далъ обѣщаніе никого не называть.

— Такъ васъ заставятъ назвать ихъ. Я приступаю къ обязанностямъ судьи и скажу вамъ, что въ Россіи есть пытка.—Очень благодаренъ вашему превосходительству за это довѣреніе, но долженъ вамъ сказать, что теперь еще болѣе, нежели прежде, я чувствую моею обязанностью никого не называть.

— Всѣ ваши товарищи показываютъ, что цѣль Общества была замѣнить самодержавіе представительнымъ правительствомъ.—Это можетъ быть, отвѣтилъ я.—Что вы знаете про конституцію, которую предполагалось ввести въ Россію?

— Про это я рѣшительно ничего не знаю.

Дѣйствительно, про конституцію Никиты Муравьева я не зналъ ничего въ то время, и хотя въ бытность мою въ Тульчинѣ Пестель и читалъ мнѣ отрывки изъ «Русской Правды», но, сколько могу припомнить, объ образованіи волостныхъ и сельскихъ обществъ.

— Но какія же были ваши дѣйствія по обществу?—продолжалъ Левашевъ.

— Я всегда болѣе занимался отысканіемъ способа уничтоженія крѣпостного права въ Россіи.

— Что же вы можете сказать объ этомъ?

— То, что это такой узелъ, который долженъ быть развязанъ правительствомъ, или, въ противномъ случаѣ, насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія.

— Но что-же можетъ сдѣлать тутъ правитедьство?

— Оно можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ.

— Это невозможно. Вы сами знаете, какъ русское правительство скудно деньгами.

Затѣмъ послѣдовало опять приглашеніе назвать членовъ тайнаго общества и послѣ отказа Левашевъ далъ мнѣ подписать измаранный имъ почтовый листокъ; я подписалъ его не читая. Левашевъ пригласилъ меня выйти. Я вышелъ въ ту комнату, гдѣ висѣла картина Сальватора Розы «Блудный сынъ». При допросѣ Левашева мнѣ было довольно легко, и я во все время допроса любовался «Святою фамиліей» Доминикина; но когда я вышелъ въ другую комнату, гдѣ ожидалъ меня фельдъегерь, и когда остался съ нимъ вдвоемъ, то угрозы пытки въ первой разъ смутили меня. Минутъ черезъ десять дверь отзорилась и Левашевъ сдѣлалъ мнѣ знакъ войти въ залу, въ которой былъ допросъ. Возлѣ ломбернаго стола стоялъ новый императоръ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ ближе и началъ такимъ образомъ:

— Вы нарушили вашу присягу?

— Виноватъ, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятье.

Мнѣніе людей вы можете презирать, но что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ, должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно убить: я пришлю къ вамъ священника. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно: если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались какъ со свиньей, то вы должны во всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого, все же, что зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству— отвѣтилъ я, указывая на Левашева, стоящаго поотдаль въ почтительномъ положеніи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ.

— Назвать, государь, я никого не могу.

Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: «Заковать его такъ, чтобы онъ пошевелиться не могъ!»

Во время этого второго допроса я былъ спокоенъ; я боялся сначала, что царь уничтожитъ меня, говоря умѣренно и съ участіемъ, что онъ нападетъ на слабыя и рабяческія стороны общества, что онъ побѣдитъ великодушіемъ. Я былъ спокоенъ, потому что во время допроса былъ сильнѣе его».

Не у всѣхъ допрашиваемыхъ оставалось на душѣ такое спокойствіе послѣ допроса, какое испыталъ Якушкинъ; многіе теряли присутствіе духа; и въ этомъ не было ничего удивительнаго, въ виду того, какъ велись эти допросы. Вотъ что пишетъ объ этомъ одинъ изъ декабристовъ—Никита Муравьевъ: Спокойствіе духа было имъ необходимо для соображенія отвѣтовъ, а всѣ средства были употреблены для того, чтобы раздражить и волновать ихъ.

Въ полночь внезапно отпирались двери темницъ; на узника набрасывали покрывало; безмолвно вели его черезъ корридоры, дворы и проходы крѣпостные. Когда снимали покрывало, онъ находился уже въ залѣ присутствія, передъ членами тайной коммиссіи. Члены предлагали вопросъ на жизнь и на смерть; требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и обстоятельныхъ; обѣщали, именемъ государя, помилованіе за откровенность, отвергали оправданія, объявляя, что они будутъ допущены впослѣдствіи передъ судомъ, вымышляли показанія, отказывали иногда въ очныхъ ставкахъ и часто прибѣгали къ угрозамъ и поношеніямъ, чтобы вынудить признаніе или показаніе на другихъ.

Кто молчалъ или по невѣденію происшествій или отъ опасенія погубить невинныхъ, того въ темницѣ лишали свѣта, изнуряли голодомъ, обременяли цѣпями. Врачу поручено было удостовѣрять, сколько осужденный могъ вынести тѣлесныхъ страданій. Священникъ тревожилъ его духъ, дабы исторгнуть и огласить исповѣдь. Многіе изъ

узниковъ были поражены помѣшательствомъ ума: двое во цвѣтѣ лѣтъ померли въ казематахъ (тюрьмахъ).

Слѣдствіе тянулось полтора года, подсудимые все это время находились въ полнѣйшей неизвѣстности насчетъ своей будущей судьбы. Наконецъ, въ іюлѣ 1826 г., имъ былъ объявленъ приговоръ. Пятеро изъ нихъ, признанныхъ самыми важными преступниками, приговорены были къ смертной казни четвертованіемъ; 21 къ смертной казни отсѣченіемъ головы, 16—къ вѣчной каторгѣ и политической смерти, т. е. положенію головы на плаху; остальные къ каторжнымъ работамъ на разные сроки, къ лишенію чиновъ, ссылкѣ на поселеніе, отдачѣ въ солдаты.

Наказанія эти были потомъ смягчены императоромъ (эта комедія была продѣлана для виду, для того, чтобы народъ прославилъ его за его милость; на самомъ дѣлѣ тутъ никакой милости не было, а все было сдѣлано такъ, какъ и заранѣе рѣшено). Пятерыхъ приговоренныхъ къ смертной казни четвертованіемъ опредѣлено было повѣсить; эти пятеро были: полковникъ Пестель, подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, поручикъ Каховскій, подпоручикъ Рылѣевъ, подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Они были признаны наиболѣе виновными по слѣдующимъ причинамъ: Пестель, какъ глава Южнаго общества и составитель «Русской Правды», Муравьевъ-Апостолъ, какъ предводитель мятежнаго войска, Каховскій за то, что онъ былъ 14-го декабря на Сенатской площади и убилъ графа Милорадовича. Рылѣевъ обвинялся въ составленіи заговора и веденіи его (онъ и самъ призналъ себя главаремъ заговора), Бестужевъ-Рюминъ составлялъ тотъ «православный катехизисъ», который декабристы читали солдатамъ и въ которомъ доказывалось, что республиканское правительство болѣе угодно Богу, чѣмъ монархическое, онъ же велъ возставшее войско вмѣстѣ съ Муравьевымъ-Апостоломъ; остальнымъ приговореннымъ къ смертной казни казнь эта была замѣнена пожизненной каторгой, или каторгой на разные сроки; къ вѣчной каторгѣ были приговорены: полковникъ

князь Трубецкой, поручикъ князь Оболенскій, подпоручикъ Борисовъ 2-й, подпоручикъ Борисовъ 1-ый, подпоручикъ Горбачевскій, маіоръ Спиридовъ, штабъ-ротмистръ князь Борятинскій, капитанъ Якубовичъ, подполковникъ Поджіо, полковникъ Артамонъ Муравьевъ, прапорщикъ Водковскій, прапорщикъ Бечасновъ, полковникъ Давидовъ, 4-го кл. Юшневскій, штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ, подпоручикъ Андреевичъ 2-й, коллежскій ассессоръ Пущинъ, подпоручикъ Пестовъ, лейтенантъ Арбузовъ, лейтенантъ Завалишинъ, полковникъ Повало-Швейковскій, поручикъ Поповъ 2-й, поручикъ Сутгофъ, штабсъ-капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій, мичманъ Дивовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ. Къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе были присуждены: отставной полковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, коллежскій ассессоръ Кюхельбекеръ, штабсъ-капитанъ Бестужевъ, кн. Волконскій. Остальные были присуждены къ каторжнымъ работамъ на меньшіе сроки и другимъ наказаніямъ.

Всего осужденныхъ по дѣлу 14-го декабря было 121 человѣкъ. Смертный приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе 12-го іюля 1826 года. Вотъ какъ описываетъ эту казнь въ своихъ запискахъ Якушкинъ. Послѣ приговора Пестель, Сергѣй Муравьевъ, Рылѣевъ, Михайло Бестужевъ и Каховскій были отведены въ особые казематы. Сестра Сергѣя Муравьева, Кат. Ив. Бибикова, узнавши, что братъ ея приговоренъ къ смертной казни, поскакала въ Царское Село и просила черезъ Дибича о дозволеніи имѣть свиданіе съ братомъ. Ей позволено увидѣться съ нимъ на одинъ часъ. Свиданіе ихъ происходило въ домѣ коменданта Сукина и въ его присутствіи. Сергѣй Муравьевъ былъ очень спокоенъ и просилъ сестру не оставить попеченіями ихъ брата, Матвѣя. Разлука ихъ навсегда, по словамъ самого Сукина, была ужасна. Когда Сергѣй Муравьевъ возвратился въ казематъ, къ нему подошелъ съ печальнымъ видомъ плацъ-маіоръ Подушкинъ.

Сергѣей Муравьевъ предупредилъ его:—Вы, конечно, пришли надѣть на меня оковы!.. Подушкинъ позвалъ людей: на ноги ему надѣли желѣзо. То же было сдѣлано и съ 4-мя товарищами Сергѣя Муравьева. Всѣ смотрѣли совершенно спокойно на приготовленія къ казни, кромѣ Михаила Бестужева: онъ былъ очень молодъ и ему не хотѣлось умирать. Ночью пришелъ къ нимъ священникъ Мысловскій съ дарами. Кромѣ Пестеля, который былъ лютеранинъ, всѣ они причастились. Былъ 2-ой часъ ночи, когда ихъ вывели къ собору. Бестужевъ насилу могъ итти, и священникъ Мысловскій велъ его подъ руку. Сергѣй Муравьевъ, увидя его, просилъ у него прощенья, что погубилъ его. Когда ихъ привели къ висѣлицѣ, Сергѣй Муравьевъ просилъ позволенья помолиться: онъ сталъ на колѣни и громко произнесъ: «Боже, спаси Россію и царя!». Для многихъ такая молитва казалась непонятною, но Сергѣй Муравьевъ былъ съ глубокими христіанскими убѣжденіями и молилъ за царя, какъ молилъ Іисусъ Христосъ на крестѣ за враговъ своихъ. Потомъ священникъ подошелъ къ каждому изъ нихъ съ крестомъ. Пестель сказалъ ему: «Я хоть не православный, но прошу васъ благословить меня въ дальній путь». Прощаясь въ послѣдній разъ, они всѣ пожали другъ другу руки. На нихъ надѣли бѣлыя рубашки, колпаки на лицо, и завязали имъ руки. Сергѣй Муравьевъ и Пестель нашли и послѣ этого возможность еще разъ пожать другъ другу руки. Наконецъ, ихъ поставили на помостъ и каждому накинули петлю. Въ это время священникъ, сошедши по ступенямъ съ помоста, обернулся и съ ужасомъ увидѣлъ висѣвшихъ Бестужева и Пестеля и троихъ, которые оборвались и упали на помостъ. Сергѣй Муравьевъ жестоко разбился: онъ переломилъ ногу и могъ только выговорить: «Бѣдная Россія! и повѣсить то порядочно у насъ не умѣютъ!»

Каховскій выругался по-русски. Рылѣевъ не сказалъ ни слова. Неудача казни произошла оттого, что за полчаса передъ тѣмъ шелъ небольшой дождь, веревки намок-

ли, палачъ не притянулъ довольно петлю и когда онъ опустилъ доску, на которой стояли осужденные, то веревки соскользнули съ ихъ шеи. Генералъ Чернышевъ, бывшій распорядителемъ, не потерялъ головы; онъ велѣлъ тотчасъ же поднять 3-хъ упавшихъ и вновь ихъ повѣсить. Казненные оставались недолго на висѣлицѣ; ихъ сняли и отнесли въ какой-то погребъ, куда едва пропустили Мысловскаго: онъ непремѣнно хотѣлъ прочесть надъ ними заупокойную.

Такъ рука палача прекратила жизнь пяти героевъ, борцовъ за свободу, которые были такъ нужны своему народу. Сколько высокихъ, благородныхъ помысловъ, сколько чистой самоотверженной любви къ угнетенному и безправному народу унесли они съ собой въ могилу!

Даже члены комиссіи, производившіе надъ ними слѣдствіе и произнесшіе надъ ними приговоръ, не могли не выразить своего глубочайшаго уваженія этимъ первымъ мученикамъ за политическую свободу Россіи. Въ докладѣ комиссіи говорится о каждомъ изъ нихъ въ возвышенныхъ выраженіяхъ. Рылѣевъ—человѣкъ съ мягкой душой, съ политическимъ талантомъ, увлекающійся; онъ все время твердилъ на допросахъ: «если кто заслужилъ смерть необходимую, можетъ быть, для будущаго блага Россіи, то это я». Про Пестеля комиссія выражалась такъ: вліяніе его было рѣзко оспариваемо близкими къ нему сообщниками: онъ удалялъ слабыхъ сердцемъ, представляя имъ опасности и трудности предпріятія; въ немъ было больше сходства съ Наполеономъ, чѣмъ съ Вашингтономъ, большая часть членовъ ему слѣпо вѣрила; иные, не зная его конституціи, хотѣли всѣмъ жертвовать для введенія предположеннаго въ ней образа правленія». Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ обладалъ чуднымъ даромъ воздѣйствовать на сердца людей; солдаты его боготворили и шли за нимъ на смерть по малѣйшему его знаку.

Юноша Бестужевъ-Рюминъ (онъ былъ казненъ 22-хъ лѣтъ) успѣлъ за свою короткую жизнь сдѣлать очень много для развитія тайнаго общества, благодаря своей неуто-

мимой дѣятельности. Каховскій же поразилъ всѣхъ современниковъ твердостью своего поведенія и безстрашіемъ, которое онъ проявилъ во время возстанія. Всѣ они, повторяю, вызвали къ себѣ удивленіе и преклоненіе передъ ихъ высокими нравственными достоинствами.

Вслѣдъ за совершеніемъ казни остальные осужденные были отправлены въ Сибирь. Растворились двери темницы лишь для того, чтобъ осужденныхъ, блѣдныхъ, измученныхъ, которымъ не дали даже проститься съ родными, заковать въ кандалы и отправить въ далекій путь, въ мрачную, холодную Сибирь, гдѣ ихъ ожидалъ острогъ и работы въ рудникахъ. Все это пришлось выносить имъ, привыкшимъ раньше къ богатой и роскошной жизни со всѣми возможными удобствами. Но никто изъ нихъ не палъ духомъ; напротивъ, всѣ они съ честью несли свой крестъ и въ далекой Сибири, въ рудникахъ, въ тайгѣ, и унесли туда они свои завѣтныя думы, мечты, свою любовь къ родинѣ, свою вѣру въ ея будущее; всѣ, кто зналъ ихъ тамъ, признавали ихъ за героевъ; это понимали даже самые простые, темные люди. Про нихъ говорили: «и за что это такіе хорошіе люди сосланы въ Сибирь? Вѣдь они святые! Мы такихъ еще не видывали!» Жизнь ихъ въ Сибири не прошла безслѣдно для края: они и тамъ продолжали сѣять разумное, доброе, вѣчное; повсюду въ мѣстахъ своей ссылки они устраивали школы, лечили безплатно больныхъ, входили во всѣ нужды населенія.

Много добра сдѣлали въ Сибири жены декабристовъ, добровольно послѣдовавшія за своими мужьями на мѣста ихъ ссылки; онѣ облегчали, скрашивали тяжелую жизнь своихъ мужей и ихъ товарищей и вносили утѣшеніе въ окружающую ихъ тяжелую жизнь; помогали бѣднымъ, больнымъ, учили грамотѣ. При вступленіи своемъ на престолъ, Александръ II издалъ въ 1856 году манифестъ, въ силу котораго всѣмъ декабристамъ разрѣшалось вернуться въ Россію; манифестъ этотъ засталъ въ живыхъ только 20 человѣкъ изъ числа 121 осужденныхъ; остальные ихъ 101

товарищъ уже умерли, и могилы ихъ были разсѣяны по разнымъ уголкамъ Сибири.

Жизнь декабристовъ, ихъ дѣла, ихъ отношеніе къ политическимъ вопросамъ не только не прошли безплодно, но, напротивъ, оставили глубокіе слѣды въ русской жизни. Они намѣтили тотъ первоначальный путь, по которому должна итти русская революція; они указали отчасти чего надо добиваться; примѣръ же всей ихъ жизни, самоотверженной, преданной идеѣ народнаго блага, послужилъ и служитъ къ воодушевленію тѣхъ, кто послѣ нихъ боролся и борется за свободу. Такіе люди, какъ декабристы, принадлежатъ къ свѣточамъ, освѣщающимъ путь, по которому приходится итти послѣдующимъ поколѣніямъ для достиженія счастья, свободы, равенства и братства.

И благодарное потомство съ благоговѣніемъ чтитъ ихъ память.

[50к !

Издані[illegible] [illegible]остовѣ на Дону.

1	Короленко—[illegible]мышъ . . .	2
2	Дмитріева—Майна-вира . .	3
3	Чириковъ—Маленькій грѣшн.	1
4	Андреевъ—Баргам. и Гараськ.	1½
5	Кретцеръ—Исторія чернаго сюртука	1
6	Крандіевская—Для души . .	2
7	Чириковъ—Свинья	2
8₂	Н.-Данченко—Старый замокъ	3
9	Свирскій—Забракованный .	2
10₂	Костинъ—Ошибка	3
11	Дмитріева—Ее всѣ знаютъ .	3
12	Станюковичъ—За „Щуплень.	2
13	Митропольскій—Вода	2
14₂	Серафимовичъ—Месть . .	3
15	Мельшинъ—Искорка . . .	3
16	Мельшинъ—Чортовъ яръ . .	4
17	Андреевъ—Гостинецъ . .	2
18	Андреевъ—Петька на дачѣ .	2
19	Дмитріева—Мама на войнѣ .	3
20	Андреевъ—Въ Сабуровѣ .	2
21	Бѣлоконскій—Страховка . .	2
22	Ивашева—Мой день . .	2
23	Короленко—Ночью	5
24	Тимковскій—Среди людей .	5
25	Русова—Біограф. Гарибальди	4
26	Отч. Пар. не выуч. грам. . .	3
27	Златовратскій—Мечтатели .	4
28₂	Н-Данченко—Махмуд. дѣти .	3
29	Ожешко—Гедали	3
30	Юшкевичъ—Хаимка и Іоська	2
31	Вересаевъ—Въ пути	1
32	Франко—Самъ виноватъ . .	1½
33	Алексѣевъ—Изъ-за хлѣб. нас.	1½
34	Серафимовичъ—Стрѣлочникъ	3
35	Вересаевъ—Въ сух. туманѣ .	2
36	Митропольскій—Отсрочка .	1
37	Яблоновскій—Удружилъ . .	1
38	Франко—Хорош. заработокъ	1
39₂	Мать (съ армянскаго) . . .	1½
40	Остои—Поденщикъ . . .	2
41	Некрасовъ и Никитинъ . .	4
42	Бунинъ—Байбаки	3
43	Петровскій—Не дался . . .	1
44	Дмитріева—Бѣлыя крылья .	2
45	Серафимовичъ—Въ бурю . .	3
46	Яблоновскій—Конокрадъ . .	3
47	Франко—На днѣ	9
48₂	Какъ сицил. крест. боролись	6
49	Н-Данченко—Воскр. пѣснь .	5
50	Вересаевъ—Повѣтріе	4
51	Бѣлоконскій—Дерев. Печальн	3
52	Дмитріева—Волки	3
53₂	Мирбо—Война	3
54	Митропольскій—На плотахъ	3
55	Короленко—Черкесъ	4
56	Вересаевъ—Звѣзда	1½
57	Телешовъ—Противъ обычая	2
58	Яблоновскій—Въ консульт.	3
59	Пѣсни труда	8
60	Темный—Сироткинъ	3
61	Сазановъ—Въ пути	3
62	Бунинъ—Надъ городомъ . .	1
63	Елпатьевскій—Отл. мой сок.	2
64	Станюковичъ—Эмигрантъ .	3
65	Избр. стихот. Надсона . . .	3
66	Андреевъ—Ангелочекъ . .	3
67	Андреевъ—Жили-были . .	3
68	Скиталецъ—Атаманъ . . .	2
69	Серафимовичъ—Въ камышах	2
70	Бѣлоконскій—За что и почем.	3
71	Яблоновскій—Завѣтн. мечта	3
72	Елпатьевскій—Присяж. зас.	2
73	Вересаевъ—Къ спѣху . . .	1
74	Серафимовичъ—На льдинѣ .	3
75	Мельшинъ—Маленькіе люди	4
76	Булгаковъ . Что за стр. Япон.	5
77₂	Яковлева—Свидѣтель . . .	8
78	Телешевъ—Хлѣбъ-соль . . .	1½
79₂	Русова—На счаст. остров. .	6
80	Короленко—Соколинецъ . .	7
81	Чириковъ—Коля и Колька .	2
82	Елеонскій—Огорченіе . .	3
83	Русова—Братья Гракхи . .	3
84	Телешовъ—Нужда	1½
85	Изб. ст. А. Толстого и др. поэт.	3
86₂	Молодая жизнь	7
87	Золя - Кровь	3
88	Бѣлоконскій—Фейга . .	3
89	Успенскій—Будка	3
90	Короленко—Мгнов. и Огоньки	2
91	Пѣсни мира Сборн. стихот. . .	2
92	Н.-Данченко—Соловьин. ночь	1
93	Бѣлоконскій - Страш. мѣсто	1½
94	Мирбо—Бродяга	1
95	Гези—Антуанъ Матье . . .	3
96	Тимковскій—Травля	5
97	Наживинъ—Волосъ Мадонны	1
98	Франко—Къ свѣту	3
99	Чириковъ—Въ отставку . . .	7
100	Зарницы—Сборникъ стихот. .	5
101	Андреевъ—На станціи	1
102	Бунинъ—На край свѣта . .	1½
103	Рубакинъ—Искорки	5
104	Короленко—Марусина заимка	10
105	П. Я. (Мельшинъ)—Избр. стих.	5
106	Андреевъ—Въ темную даль .	3
107	Андреевъ—Валя	2
108	Вересаевъ—Объ одномъ домѣ	3
109	Короленко—Послѣдній лучъ .	3
110	Короленко—Морозъ	4
111	Мельшинъ—Въ плѣну	3
112	М. Сибирякъ—Въ худыхъ душ.	4
113	Чириковъ—Танино счастье . .	7
114	Рубакинъ—Книгоноша . . .	20
115	В. Короленко—Сказаніе о Флорѣ	3
116	Андреевъ—Весеннія обѣщанія	3
117	Наживинъ—Ложь	1½

Изданія И. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

118 Суздальцевъ.—Рич. Остлеръ. . 3
119 Крюковъ—Въ родныхъ мѣст. 5
120 Короленко—Госуд. ямщики . 7
121 М. Конопницкая—Якторъ . 1½
122 А. Яблоновскій—Нухимъ . . 3
123 П. Бутоминъ—Случай № 212 1
123. С. Русова—Какъ болгары добыли себѣ свободу 6
125 В. Короленко—На затменіи . . 3
126 Сказка о четырехъ братьяхъ 4
127 Юшкевичъ—Кабат. Гейманъ 4
128 Наживинъ—Въ степи . . . 1½
129 Конопниц.—Мендель Гдапскій 3
130 Ругавинъ—Милліонъ . . . 6
131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь 2
132 Гези—Благотворительность . 2
133 Дикштейнъ—Кто чѣмъ живетъ 3
134 Какъ лѣмцы доб. себѣ своб. . 3
135 Короленко—Чудная 3
136 Бакур.—Какъ выб. нар. пред. . 1
137 Разрушенный молъ 1
138 Успенскій—Неизлѣчимый . . 5
139 Полорѣловъ—Въ глуши . . . 2
139¹ Бунинъ—Черноземъ 2
140 Л. Андреевъ—Предст. кража 1½
141 Конопницкая—Дымъ 1½
142 Національное собраніе . . . 1½
143 Аминись—Красная гвоздика 2
144 Мѣстное самоуправленіе . . . 3
145 Права человѣка и гражданъ. 1½
147 Бирскій—Безъ исхода 3
148 О земельномъ вопросѣ 2
149 Сонъ подъ 1-е мая 3
150¹ Науки и мухи 1
150² Навуки та мухи 1
153 Что такое государ. роспись . . 3
153² Джаво—(съ арм.) 1½
154 Областное народоправіе . . . 1
155 Національн. рада (на малорос.) 2
156 О налогахъ (Хитрая механика)
157 Свѣтъ... Свѣтъ... Свѣтъ... . . 3
158 Какъ франц. добыли свободу . 3
159 Л. Толст. Неуж. такъ надо? . 3
160 Л. Толстой—О смерт. казни . 1
161 Новиковъ—Женщ.-тов.-мужч. 4
162 Что такое тайн. под. голосовъ 1
163 Радловъ—Котлочистъ Ваня . 4
164 Проектъ основ. зак. о землѣ . 6
165 Журавлевъ—Убійство 3
166 Юшкевичъ—Левко Гемъ . . . 3
167 Пѣсни борцовъ—Сб. стихотв.
168 Конопницкая—Юзефово . . 1
169 Танъ—Истин. народн. предст.
170 Дѣти рабочихъ . . . .
171 Серафимовичъ—Подъ землей
172 О. Зиовиц.—Въ чертѣ осѣдл. 1
173 Ив. Наживинъ—Братья . .
174 Ивановичъ—Не понравилось
175 Русова—Своб. респ. Швейц.
176 Партіи и крестьяне въ Г. Дум.
177 Новиковъ—Враги народа . .
178 Г. Джорджъ, его жизнь и учен.
178² Костинъ—Одинъ . . . .
179 Шевченко—Изб стих (малор).
180 Поливановъ—Кончился . .
181 Какъ мужичекъ въ долгу ост.
182 Не въ моготу . . . . . .
183 Почему бѣдна Россія . . . .
184 Пѣсни рабочихъ . . . .
185 Ибаньесъ—Долгій. лицо (пал.)
186 Товарищъ, не измѣняй . . .
187 Народный трибунъ Бабефъ
188 Львовъ—Обѣщ. прав. о землѣ
189 Волкенштейнъ—Почему треб. своб. личности . . . . .
190 О. В. Почему треб. своб. сход.
191 Анг. рабоч прежде и теперь
192 Какъ госп. 1-е мая праздн. 1½
193 Что видно въ подзор. трубу
194 Голубевъ—Что сказали наши представит. Царю . . . .
195 Голубевъ—Что министры . . сказали нашимъ представит.
196 За свободу—Сб. стихотв. . .
197 Волкенштейнъ—Женщ. - изб.
198 Въ помощь читат. раз-бор. нов. кн
- Аграрный вопр. . .
- Рабоч. вопросъ . . .
- Избират. право . . .
198⁴ Историческія книги
198⁵ Беллетристика .
198⁷ Практичес. политика
198⁹ Аграрн. вопросъ в. П
199 Мельшинъ—Школа въ катор.
200. Короленко. онъ Макара. .
200² Наши братья . .
402 Русова—Луиза Мишель . .
404 Нѣмецъ воспитател. дома
406 Юшкевичъ—Ита Гайне . . 1
408 Брусянинъ—Заразные люди

Главный складъ: Ростовъ на Дону, Казанская ул., 42.

ОТДѢЛЕНІЯ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Тефлисѣ и Томскѣ.

Лица, выписывающ. на 3 р., за пересыл. не платятъ. Книжн. маг. 30% скид.

Выписыв. изъ Ростовск. склада свыше 20 р. въ Европ. Рос. за перес. по желѣзн. дор. не платятъ.

Ростовъ н-Д. Типографія „Донская Рѣчь“.